

Александр Сиваков

*Лунные
дети — 2*

Полина. Часть первая

Александр Сиваков

**Лунные дети – 2.
Полина. Часть первая**

«Издательские решения»

Сиваков А.

Лунные дети – 2. Полина. Часть первая / А. Сиваков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852263-5

Двадцать шестой век. На Земле появляется очень много детей с поразительно высоким уровнем умственного развития. Для малолетних интеллектуалов открываются специальные школы. Обучение начинается в десятилетнем возрасте и проходит более чем жёстко. Второй роман цикла. Отца Полины Ивановой — сенатора Земли заключают под стражу. Девочке приходится убегать из дома и прятаться на другой планете. В конце концов выясняется, что к неприятностям отца Полина имеет самое прямое отношение.

ISBN 978-5-44-852263-5

© Сиваков А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Цитрея	6
Часть первая. Земля	10
Глава 1. Полина	10
Глава 2. Полина	16
Глава 3. Борис Емельянович	24
Глава 4. Борис Емельянович	29
Глава 5. Борис Емельянович	37
Глава 6. Борис Емельянович	42
Глава 7. Полина	49
Глава 8. Полина	56
Глава 9. Полина	64
Глава 10. Полина	72
Глава 11. Полина	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Лунные дети – 2 Полина. Часть первая

Александр Сиваков

© Александр Сиваков, 2017

ISBN 978-5-4485-2263-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Цитрея

Пробки выбило около полуночи.

Мишель до упора передвинул ползунок реостата, из-под контакта выскочила бледно-голубая искра, раздался сухой треск – и большой двухэтажный особняк погрузился во тьму. За стеной тут же раздался короткий девчоночий визг.

Наташка, будь она неладна! И чего она только так поздно ещё не легла? Опять, наверное, за своими гаданиями сидит!

Эти мысли пронеслись в голове за считанные доли секунды.

Мальчик едва успел выскочить из рубашки, благо та была почти расстёгнута, и нырнуть в кровать, напоследок укрывшись с головой одеялом.

Дверь в комнату тут же распахнулась. Сквозь одеяло стало различимо пятно света от карманного фонаря.

– Мишенька, ты спишь? – Ласково спросил сладкий-сладкий голос.

Виктор Иванович! Ему всегда до всего, происходящего в доме, есть дело. Вот только проблема: он – единственный из этой семейки, кто ни при каких обстоятельствах не может говорить таким тоном. Значит – дело совсем швах.

– Мишуточка!

«Прямо Сахар Медович!», – с ненавистью подумал м тараясь не дышать.

Раздался звук закрываемой двери. Мишель некоторое время лежал неподвижно, боясь поверить в происходящее. Неужели всё обошлось?

Он с облегчением перевёл дыхание, высунул голову из-под одеяла, принялся – и чуть не застонал от отчаяния: в воздухе клубился едкий запах горелой изоляции и жжёного пластика. Такой жуткой вони, от которой щипало в глазах и хотелось чихать, Виктор Иванович не мог этого не почуять. Капитан космопоиска не может быть дураком по определению он, само собой, сразу сообразил, что эпицентр энергетической аварии – именно здесь, в этой комнате.

«И что теперь будет? – с тоской подумал мальчик, усаживаясь на краешек кровати и зябко кутаясь в одеяло. – Виктор Иванович, конечно, всё расскажет тёте Анфисе, – экстраполировал он ситуацию на полчаса вперёд. – Та прибежит и будет кричать. Ладно, это ещё пережить можно. Но если она что-нибудь отнимет у меня до конца каникул – вот это на самом деле будет плохо. У меня тут все детали – нужные...»

Следующие десять минут были посвящены лихорадочной уборке. В конце концов в комнате возникло даже некоторое подобие порядка, чего, если честно, тут не наблюдалось как минимум года три. Все самые необходимые детали пришлось спрятать под кровать и сверху занавесить одеялом, а то, что не уместилось – запихать в нижний ящик стола.

Мишель оглядел комнату, освещённую отблесками лунного света, одел брюки и принялся ждать экзекуции.

Минутная стрелка фигурным концом докарабкалась до самой верхней цифры «10» и начала опускаться вниз. Никто не приходил. По коридору протопали чьи-то тапочные подошвы – и вновь наступила тишина. Вскоре стих гул голосов на первом этаже – и дом вновь стал погружаться в сон.

«Ночью, значит, ничего чинить не стали и электричество решили посмотреть завтра, чтобы в темноте не копать» – Понял мальчик.

В этом не было ничего необычного – такое происходило не впервой. Там работы было на каких-то десять минут – продукты из холодильника отнести в погреб или на веранду, потом выключить котлы – и можно ложиться спать.

Только непонятно, куда делась тётя Анфиса. Не может такого быть, чтобы она не пришла читать свои нотации.

Или Виктор Иванович не почувствовал, как здесь пахнет? Этого просто не может быть! Значит его завтра ругать будут.

С этими мыслями мальчик быстро разделся и уснул.

Но на следующее утро Мишеля ругать не стали, так как произошло событие, перед которым померкли все его предыдущие «подвиги». Августа и Фердинанд, восьмилетние рыжие близнецы-двойняшки, опрокинули шкаф в прихожей.

Это был не просто шкаф, а шкаф-монстр. Мебель такого размера промышленность выпускала в незапамятные времена, когда дома были не в пример больше, а комнаты – просторнее. Этот предмет мебели занимал больше трети комнаты, и никто из домашних не мог вспомнить, каким образом его смогли втащить в дом. Даже в разобранном состоянии любая из его частей никаким боком не вписывалась ни в окно, ни в дверь.

– Его, наверное, поставили, когда здесь ещё стен не было, – однажды выдвинула предположение тётя Анфиса. Это и стало официальной версией появления шкафа.

Именно его близнецы и умудрились опрокинуть.

Следующим утром ровно в девять часов кукушка в комнате Мишеля высунулась из круглого отверстия часов, чуть откинулась назад, словно набирала полную грудь воздуха, но кукукнуть не успела – стены дома содрогнулись. Тоненько запела какая-то пружинка – и птица, провернувшись вокруг шеста, на котором пребывала всю свою сознательную жизнь, ткнулась пластиковым носом в корпус часов. По одному из стёкол окна побежала трещина, второе сразу целиком вывалилось на улицу.

И только после этого раздался грохот. Настолько сильный, что Мишель секунд за пятнадцать сумел преодолеть длинный коридор, пролёт лестницы, ещё один коридор – и очутился перед прихожей. Он ткнулся в спину Виктора Ивановича, который каким-то образом успел прибежать первым. Внутри комнаты ничего не было видно – за дверями клубилась пыль. Из этой пыли, переваливаясь с ноги на ногу, словно древний космонавт на луне, вышел кто-то из близнецов.

– Ого! – Шёпотом сказал он, немигающими глазами ошарашенно глядя прямо перед собой, и тут же оказался схваченным Виктором Ивановичем за ухо.

– Все живы?! – Голос бравого капитана космофлота впервые изменил своему обладателю и поднялся от густого баса до оперного дисконта.

– Это всё Федыка! – Тут же занял близнец, из чего Мишель сделал вывод, что пойманной оказалась Августа.

– Он жив?! – Допытывался Виктор Иванович.

– Он сказал, – без зазрения совести тут же принялась сдавать своего брата крохотная рыжеволосая девочка, – Федыка сказал, чтобы у шкафа ножку подпилить, а потом...

– Феденька! – Ласково позвал Виктор Иванович, вглядываясь в клубы пыли. – Ты тут?

Точно таким же тоном капитан звал вчера его самого, от чего Мишелю стало не по себе.

– Я нечаянно! – Раздался из пыли прерывающийся сдерживаемыми рыданиями вопль. — Это всё Гуська! Она сказала, что если у шкафа ножку подпилить...

Стараясь не совершать резких движений, мальчик боком сдал назад, удалился на пару метров от эпицентра нынешней катастрофы – и тогда уже, ни от кого не скрываясь, со всех ног бросился в свою комнату. По пути ему встретились дядя Томас и тётя Анфиса, которым для приведения себя в порядок требовалось гораздо больше времени, чем всем остальным. Они, что-то шепча себе под нос и кутаясь в какие-то тряпки, спускались по лестнице...

Хотя, нет, Катька с Натой – тоже копушки жуткие. Они, наверное, из своей комнаты вообще только к обеду появятся. Девчонки, даже если начнётся конец света, не накрашенными и не причёсанными на Страшный суд ни за что не покажутся.

«Ни за что не женюсь!» – Подумав о своих соседках по коридору, который раз дал себе зарок Мишель. – Даже близко ни к одной девчонке не подойду! Стану женоненавистником и буду жить совсем один! А то попадётся какая-нибудь мымра – и вся жизнь пойдёт под откос»

Вообще-то мысли о мымре и о жизни под откосом были совсем не его, а дяди Андрея, который под хмельком любил пожаловаться племяннику на свою жену. Мальчик даже не совсем понимал, что такое «мымра» и каким образом жизнь может оказаться там, куда обычно скатываются сошедшие с рельс поезда, но сама фраза, особенно произносимая трагическим голосом, оказывала на мальчика почти магическое действие. Мишель, копируя интонацию, время от времени повторял эти словосочетания, и они всё больше ему нравились.

– ...и жизнь пойдёт под откос! – Сказал он, усаживаясь на диван. Нет, всё-таки у дяди Андрея это получалось куда лучше. И трагичнее.

– Уже чуть не пошла, – шёпотом сконкретизировал он. – Если бы не шкаф.

Мишель щёлкнул выключателем – вспыхнул абажур. Электричество, значит, уже починили. Очень хорошо. Теперь, после шкафа в гостиной, про вчерашнее короткое замыкание уже точно никто не вспомнит.

Из-под кровати тут же были извлечены и разложены по письменному столу запчасти вчерашнего механизма. Что тут могло коротнуть – так сразу и не разберёшься.

Стул стоял в самом углу – проще было пододвинуть к столу кровать, что мальчик, ничтоже сумняшеся, и сделал. От движения воздуха картонная картинка, висевшая на стене, мягко спланировала на пол. Эфемерный призрак порядка, возникший предыдущей ночью, исчез, так и не материализовавшись воочию.

Мальчик почесал затылок.

Это не помогло.

Тогда он, прищурившись, принялся разглядывать детали на плате. Вот этот конденсатор, вроде бы, как-то неровно впаян. Может его перепаять? Хотя при чём тут конденсатор и короткое замыкание? Ведь свет вырубил, когда оказался включённым реостат...

Точно! Реостат!

Починка заняла часа полтора. Под конец строптивый механизм тихонько гуднул, выбросил в пространство целый сноп искр, заставив мальчика лишней раз покрыться холодным потом, наконец на осциллографе мелькнула причудливо изогнутая синусоида.

Ура! Процесс пошёл! И не так-то это было сложно. Подумаешь – пробки один раз выбило.

В дверь тихонько постучали.

– Кто там?

– Это я. Можно?

– А, Сержик. Заходи!

Высокий веснушчатый парень, на вид одного возраста с Мишелем, неловко протиснулся в комнату.

– А чего ты тут делаешь?

– Присаживайся! – Сказал Мишель, не поднимая головы.

Серж плюхнулся на постель рядом с другом, некоторое время с интересом наблюдал за его манипуляциями, затем повторил.

– Так я всё-таки не понимаю – чего ты делаешь?

– Это осциллограф.

– А-а...

– Я вчера на чердаке нашёл. Думал – не работает, подключил – заработало. Я уже напряжение в розетках измерил, теперь вот всякие детали подключаю и смотрю, как напряжение изменяется...

– Понятно.

Они помолчали.

Серж снял куртку, аккуратно повесил её на спинку кровати.

– И не скучно тебе?

– Что? – Поинтересовался Мишель.

– Ну, со всем вот этим копать?

– Не-е, интересно.

– А я думал – нет.

– Что – нет?

– Ну, не интересно.

Серж не умел выражать свои мысли, может быть поэтому друзей у него почти не было. Точнее – совсем не было. И Мишель оказался единственным, с кем он более-менее сошёлся. Оба приезжали в Жарденроз три раза в год, на каждые каникулы, и этого общения мальчишкам вровень хватало. Кто знает, если бы они постоянно жили рядом, то могли бы так дружить?

– Серёг, ты через какую дверь в дом зашёл?

– Которая в саду. А что?

– Помнишь большой шкаф в прихожей?

– Ага.

– Сегодня близнецы его опрокинули.

Серж вскочил:

– Чё, правда?!

Мишель молча кивнул.

– Я сбегая, посмотрю!!

Он исчез.

Мишель кисло усмехнулся. Как можно всерьёз относиться к жизни, в которой самое большое событие – опрокинутая мелкими мебель?

Только сейчас он понял, что на самом деле ему скучно.

Очень скучно.

Так скучно, что не описать никакими словами.

Но он не знал, что скучать ему осталось ровно три часа сорок восемь минут – как раз до конца обеда.

Часть первая. Земля

Глава 1. Полина

Моя одиссея началась ровно в половине пятого утра. Вдоволь налюбовавшись на себя в зеркало, я застегнула молнию куртки, опустила чуть ниже козырёк шапки, ещё раз оценила свой интерфейс, решила, что так, с опущенным козырьком, гораздо лучше, показала сама себе язык и пошла будить Бахмурову.

Сама не ожидала таких успехов, но моя компаньонка вскочила так резво, будто и не спала.

– Бахмурова, ты точно проснулась?

– Угу.

– Не верю. Иди умойся.

– Это ещё зачем?

– Чтобы я точно знала, что ты не спишь.

– Не сплю я. Заснёшь тут с тобой!

– Прости, – деланно потупилась я, хотя никакого раскаяния не чувствовала. Ей хорошо – послушает меня пару минут – и спи-отдыхай. А мне ещё часов пять до дома пилить.

– У самой старческая бессонница, так хоть бы другим спать не мешала!

По поводу «старческой» – это она конечно, загнула. Или хотела меня поддеть и спросонок это не очень получилось: не сообразила, что на подобные определения я смогу серьёзно обидеться лет, пожалуй, через тридцать.

– Короче так, Настюх, я прямо сейчас поеду домой. Когда вернусь – не знаю, предполагаю завтра, но, может быть, задержусь ещё на день или на два. Это зависит от того, как у меня дела пойдут. У меня список из двадцати трёх пунктов получился, что мне надо сделать и что купить. Вместо себя я оставляю..., – я сделала интригующую паузу, чтобы огорошить мою собеседницу. Я лелеяла слабенькую надежду, что от выплеска адреналина Анастасия Вадимовна проснётся.

– ... меня ты оставляешь! – Буркнула Бахмурова.

– Ты-то откуда знаешь? – Удивилась я.

– У тебя больше выбора не остаётся.

– Вообще-то верно. А самое главное, мне нужно денег у папы занять. Для Белохвостикова. Довольно большую сумму, что не очень радует. Очень надеюсь, что папа сейчас на Земле... Проклятая изоляция, даже новостей нельзя узнать!

– А просто так ты не можешь деньги взять? – Буркнула Настюха. – Обязательно занимать нужно?

Я подумала и отозвалась:

– Могу просто так взять. Даже больше чем уверена, что папа будет на этом настаивать.

Но не буду.

– Почему?

– Если ты этого сразу не поняла, то не поймёшь вообще, не стоит и пытаться.

– Ну и ладно.

– Знаешь, Настюха, сонная ты мне нравишься больше – такая покорная, что дальше некуда.

Лицо Бахмуровой приобрело совсем уже зверское выражение.

– Иванова, – сдерживая кипящую внутри ярость прошипела она (не знаю, как ей это удалось, в моей фамилии нет ни одного шипящего звука), – будь добра, объясни внятно, зачем ты меня разбудила! Если ты решила испытать моё терпение..., – её голос сорвался.

– Тысяча моих – Бахмуровой! – Сказала я и на всякий случай посмотрела на потолок. Наши карточки перебулькнулись. Точнее, это был звук, похожий на шипение воды в неисправном кране.

– Ага! – Слабым голосом отозвалась Бахмурова, сразу куда-то растеряв весь запас злости. – Но столько-то зачем?

– Пригодится. Постарайся их не растранижить и оставить к моему приезду хотя бы половину. – Я подумала пару секунд и ободряюще добавила. – Больше мне от тебя ничего не надо.

Она молча кивнула.

Я спохватилась:

– И с ребятами чтобы ничего не случилось.

Она опять кивнула.

Неподвижно сидя в кровати, Настюха была жутко похожа на большую пластиковую куклу: слушая мои инструкции, она не моргала и не шевелилась, лишь изредка зрачки её остекленевших глаз начинали блестеть чуть сильнее. Дождавшись небольшой паузы, которую мне пришлось сделать, чтобы перевести дыхание, Бахмурова мягко, словно в обмороке, осела на подушку и тут же уснула.

– Ладно, спи! – пришлось разрешить мне задним числом. – Ты вообще меня слушала – нет?

Я подождала минуту и, не дождавшись ответа, вышла из комнаты. Остаётся надеяться, что утром хоть что-нибудь из моих речей Настюха сможет припомнить.

За спиной аккуратно закрылась дверь, едва слышно пискнул замок. Я сразу подумала, интересно, какой будет наша комната через пару дней, когда сюда вернусь. Настюха порядок додумается навести? Или хотя бы пыль убрать, которая появляется на всех поверхностях с завидной периодичностью. Дома почему-то такого нет. Или её там кто-то протирает?

В холле стояла тишина. Звуки шагов скрадывались мягким толстым ковром. На стенах, отбрасывая на обои жёлтые круги света, горели светильники. Обстановка тут была совсем домашняя, словно в старой деревенской избе.

Я видела хорошие дома. Я видела очень хорошие дома. Пару раз мне приходилось бывать в домах, хозяева которых всю свою жизнь и все свои средства положили на обустройство гнёздышка. А так как люди с такими бзиками, как правило, достаточно обеспеченные люди, у них получались настоящие шедевры.

Будучи достаточно искушена во всяких навороченных интерьерах, ещё в первый день я задала себе вопрос, насколько случайно в общем жилом корпусе сложилась такая не в меру уютная атмосфера. А потом решила, что ещё в то время, когда все здания школы были только в проекте, над видом будущих интерьеров работали десятки психологов и дизайнеров; к нашему обучению – а мы – суперы – всегда сильно отличались от обычных детишек – в любом случае должны были подойти серьёзно.

Вот мне, к примеру, находиться в подобных интерьерах не впервой. Я доподлинно знаю, что нашу летнюю дачу на острове Лимнос (куда я сейчас и направляюсь, кстати говоря) проектировали полторы тысячи человек.

Раздумывая подобным образом, я дошла до середины коридора. За ближайшей дверью послышался скрип кровати – кто-то повернулся во сне. А может и не во сне. Может, какой-нибудь супер, будь он неладен, захотел в туалет.

Пришлось ускорить шаги. Ещё не хватало нарваться на кого-нибудь из моих новых одноклассников, а потом объяснять причины своего спешного отъезда.

Я спустилась на первый этаж. В полной тишине ступени лестницы показались особенно скрипучими и неприятными. Интересно, как ступени могут быть неприятными? Я ещё раз взглянула под ноги и убедилась, что, да, ступени в самом деле никаких положительных эмоций

не вызывают. Словно тут много лет назад кто-то свернул шею. Об этом все забыли, но аура осталась.

Мне почему-то пришла в голову мысль заглянуть в актальный зал. Дверь отворилась без всякого скрипа, хотя раньше она мне казалась очень тяжёлой и скрипучей. На сцене горел маленький одинокий прожектор. Пахло пылью, затхлостью и ещё чем-то таким, чем пахнет только в старых театрах. Я усмехнулась, вспомнив, как вчера назвала этот зал актальным. Интересно, я хоть немножко угадала? Это помещение имеет хоть какое-нибудь отношение к Мельпомене?

Природа оказалась не настолько дружелюбной, насколько бы мне этого хотелось: улица встретила меня крошечной темнотой и резким ударом ветра в лицо. Слишком холодный для начала сентября воздух тут же пробрал до костей.

Жуть! На дворе начало осени, а погода – словно перед Новым годом. Собираясь в школу, я, кажется, не совсем учла особенности северо-западного климата: самая тёплая моя одежда едва ли подходила даже для начала сентября – а я-то полагала, что запаслась на всю зиму.

Я застегнулась на все пуговицы – это не помогло.

Обратно вернуться, что ли? У Настюхи, вроде, пальто было – она куда запасливее меня...

Я подумала, что придётся снова будить Бахмурову, что-то объяснять ей, уговаривать её... Ну уж нет, только не это! Тем более, говорят, что возвращаться – плохая примета. Придётся как-нибудь потерпеть. Только бы до гравы добежать, а там согреться можно элементарно – силовое поле поменьше настроить и внутри надышать.

Но холод был не самым плохим, что ждало меня на улице. Куда неприятнее была нулевая видимость. Мне вообще редко приходилось видеть настолько полную темноту – везде, где бы я ни находилась – в столичной резиденции, на Лимносе, на любом курорте – там всегда в тёмное время суток функционировало хорошее освещение. Здесь же во всём обозримом пространстве не было ни одного фонаря, ни одной лампочки, даже небо – и то было плотно затянуто тучами.

Никогда не умела хорошо ориентироваться на местности. В психологии есть такой термин «географический кретинизм». Вот у меня оно самое и есть. Не знаю, как другим, но лично мне и днём нужно по территории школы с компасом ходить, а ночью... Не, лучше про плохое не думать!

Но голова – это такая вещь, которая редко работает в запланированном направлении. Чаще бывает другое – то, о чём стараешься не думать, лезет в сознание в первую очередь и забивает все остальные полезные мысли.

Я представила себе, как Бахмурова спокойно спит в нашей комнате, в своей тёплой мягкой постели, и мне стало ещё хуже. Сразу замелькали мысли: «Что я вообще здесь делаю? Мне что, больше всех нужно?»

Вопрос был сформулирован более чем правильно и, как любой серьёзный вопрос, в своей сути он содержал ответ: мне именно больше всех нужно. Быть старшей в среде суперов – это не то же самое, что исполнять обязанности старосты в начальной школе, среди обычных детей. Это очень прочная ступенька к дальнейшему карьерному росту. Ради будущего высокого статуса можно претерпеть некоторые неудобства. На папино место, я, конечно, не рвусь, но было бы неплохо устроиться куда-нибудь в окружение Навигаторов. Их всего двенадцать человек, крайне мала вероятность, что я смогу стать именно Навигатором. Нужно трезво подходить к перспективам.

Это – далеко идущие планы. А что касается программы-минимум, то, когда я привезу весь свой запланированный список товаров плюс деньги на раскрутку нашего банка, ни у кого из наших ребят и мысли не возникнет, что руководить курсом может кто-то ещё – тогда можно будет немного расслабиться. Пока же ещё рано.

А Бахмурова – пусть спит. И Бахмурова, И Никиточка, и все остальные. Они проспят всё на свете. Недаром придумали поговорку про тех, кто рано встаёт.

Занимаясь кустарным аутотренингом, я брела по извилистой парковой тропинке, то и дело выбираясь из кустов на обочине. В голове прочно засела мысль, что где-то должна быть асфальтная дорожка – но она почему-то упорно не находилась. Может я что-то путаю? Или не в ту сторону пошла? Ещё не хватало заблудиться!

И эта жуткая темнота раздражала до колик. Это только кажется, что отсутствие света – всего лишь житейское неудобство. На самом деле – совсем иначе. Недаром мгла числилась в числе десяти египетских казней. Видно, фараону и его подданным было совсем плохо, если, просуществовав в темноте пару-тройку часов, фараон в который раз пообещал Моисею отпустить его народ в пустыню.

Будь тут, в «Штуке», нормальная администрация – руки бы им нужно было поотрывать с корнями за такие удобства. А против Красной Шапочки особенно не повоюешь – любое диссидентское движение в нашей школе уничтожается в зародыше. А если нечто похожее и появляются, то ненадолго.

Да и по мне, лучше уж в темноте.

По крайней мере, полгода или год можно потерпеть, а потом, может быть, получится разобраться в здешней ситуации и что-нибудь изменить в лучшую сторону.

Проникновенно шепча под нос ругательства, я пробралась через заросли невысокого кустарника, оказалась рядом с каким-то прудом, вернулась обратно, попала лицом в мокрую и склизкую паутину – и тут неожиданно выбралась на долгожданную асфальтную дорожку. По ней удалось быстро добраться до здания КПП.

Не могу понять, зачем на входе в школу стоит эта крохотная деревянная будочка. Помню, 31 августа в ней сидели двое элегантно одетых мальчишек. Увидев меня, они привстали, разглядывая посетителя – и застыли в такой неудобной позе. Я спокойно прошла мимо, а их лица остались прижатыми к окну. Мне едва удалось сдержать смех – сплюснутые о стекло носы напоминали свиные пяточки.

Не знаю, насколько обитаемой было КПП первого сентября, но второго, когда мы тащили в лес мешок с третьекурсником внутри, в будке уже никого не было. Нет и сейчас. Ну, и в чём смысл данного заведения?

Узенький коридор я проскочила на крейсерской скорости, тем не менее успела почувствовать сырость, плесень и запах мочи. Несколько дней назад, вроде бы, здесь было гораздо чище.

Под ногами неприятно хрустнуло. Я решила не конкретизировать, что это такое. По моему глубокому убеждению, некоторые вещи лучше не знать.

Только оказавшись в нескольких десятках метров за пределами «Штуки», я поняла, какую глупость совершила. Кто сказал, что на стоянке будет хоть один грав? Тем более сейчас, в пять утра четвёртого сентября, когда учебный год уже начался и все ребята на местах – нет никого, кто бы приезжал или собирался уезжать. Вот незадача!

Первое, что приходит в голову – сделать звонок по мобильнику и вызвать транспорт. Но даже мобильника – и того нет. Пойти обратно и взять телефон у Бахмуровой? Поздно.

В лесу оказалось ещё темнее, чем на открытом пространстве. Я несколько раз забрела в какое-то болото, пару раз запуталась волосами в мелких ветвях, ударила лбом в склизкий от сырости ствол сосны, уже не сдерживаясь, выругалась в полный голос – и тут впереди, среди плотного лесного массива показался просвет. Стоянка! Чудненько!

И это случилось очень даже вовремя, ибо последние несколько минут меня не оставляло параноидальное ощущение, что за мной кто-то следит: сзади постоянно слышался треск веток. Мне казалось, что именно так они могли бы трещать под ногами осторожно крадущегося в ночи человека.

Я всегда считала себя невезучей, поэтому, неожиданно наткнувшись на объект поисков, слегка удивилась: подобные подарки судьба преподносит мне редко. Чаще бывало дру-

гое: во время поисков потерянная вещь находилась в последнем месте, которое я обыскивала, а то и не находилась вообще, зато обнаруживались вещи, потерянные мной несколько месяцев назад и которые в данный момент мне были, ну, абсолютно не нужны.

Но куда большее удивление ожидало меня, когда оказалось, что на школьной стоянке всё возможное для этого пространство было заполнено техникой. Гравы так плотно стояли друг к другу, что между ними можно было едва протиснуться – на площадке, предназначенной для двух, максимум – трёх десятков машин, их было больше полусотни. В воздухе висело ещё несколько, которым не хватило места на земле. Расширив глаза, я разглядывала это зрелище, потом несмело хихикнула. Вот уж чего нельзя было ожидать, так это такого поворота сюжета.

Я уселась в ближайший грав и ойкнула, поняв, что пятой точкой плюхнулась в небольшую лужицу на сиденье. Достойное завершение моей сегодняшней ночной эпопеи!

Но уже ничего сделать было нельзя. Ладно, высохну по дороге. Я включила панель управления. Компьютер несколько секунд разогревался. Монитор отобразил настроечные символы, данные о параметрах гравы, наконец показал диалог ввода маршрута. Я уже подняла ладони, чтобы отбарабанить нужные буквы, но тут мне всё-таки стало интересно, как вся эта техника оказалась на нашей стоянке. В четыре часа ночи, в середине первой учебной недели. Откуда всё это прилетело, если даже в конце августа, к началу учебного года мы слетались по одному – по два?

Чуть поколдовав с машиной, я открыла системную папку и принялась внимательно изучать логи. Нельзя сказать, что компьютеры – мой конёк, но в некоторых современных вещах среднестатистический пользователь (к которым я не без оснований отношу себя), вполне может разобраться. Одна из самых примитивных – логи работы гравы.

Как только транспорт совершает любое действие – взлетает, приземляется, пролетает через узловую точку маршрута – в хронологии бортового компьютера об этом появляется аккуратная запись, которая затирает такую же запись годовой давности – по умолчанию архив любого гравы хранится ровно год.

К примеру, когда 31 августа я летела сюда в окружении трёх гравов охраны, то маялась от безделья и переделала всё, что можно было переделать в полёте, под конец забралась в бортовой компьютер гравы и наизусть выучила логи памяти за последние два дня. Даже сейчас я точно помнила, что, персонал нашей резиденции три раза вылетал в Одессу, один раз по какой-то надобности – в крохотную деревеньку около Крыма, затем – в контору Навигаторов в Австралии, под конец дня, в 23.48, он снова оказался в столице, а следующим утром на нём в Вологду направилась я сама.

Впрочем, я отвлеклась от темы. Логи компьютера, за который я села, оказались абсолютно пусты. С чего бы это?

Я вместе со всеми своими вещами перебралась в соседний грав. Тамошний бортовой компьютер начал ерепениться и для доступа в программный раздел потребовал пароль. Я, ни секунды не раздумывая, ввела 1—2—3—4—5. Компьютер тут же открыл нужную папку. Интересно, на кого рассчитано использования подобной системы безопасности, если пароль известен любому ребёнку?!

Логи второго гравы за предыдущий день тоже кто-то стёр. Причём совсем недавно, уже здесь, на месте, иначе бы в базе данных осталось упоминание о прибытии на школьную стоянку.

Я откинулась на спинку сиденья.

В принципе, в уничтожении информации о предыдущих маршрутах гравов нет никакого криминала. Да и кому нужна информация про пункты назначения, высоту и скорость полёта к предыдущим пунктам назначения? Никому, даже техникам.

Интересно, неужели все гравы, что находятся на здешней стоянке, со стёртыми «биографиями»? И кому понадобилась такая нудная и – что главное – бесполезная работа?

И что теперь делать? Можно было, бы, конечно, полазить по здешним компьютерам и попытаться восстановить стёртые данные – только в чём смысл? Да и время поджимает. Некогда всякими расследованиями заниматься.

Высунувшись из кабины, я ещё раз оглядела плотно стоящие гравы, глубоко вдохнула сырой ночной воздух, и склонилась над компьютером. Пальцы привычно-шустро пробежали по клавиатуре и яркими зелёными буквами оставили на чёрном фоне монитора название конечного пункта: ОСТРОВ ЛИМНОС.

Навигатор изобразил на мониторе карту Греции с большой красной точкой.

– Вот именно! – Буркнула я в микрофон.

Компьютер меня не понял. Пришлось снова стучать по клавиатуре.

Динамики уютно булькнули, приняв команду, генераторы гравы мягко заурчали и неуютная земля с её темнотой, дождём, влажными от сырости гровами, стоящими бок о бок на тесной стоянке, тут же провалилась вниз.

Сразу, как только грав поднялся в воздух, я попыталась дозвониться до папы. Мобильника у меня не было, я воспользовалась бортовой связью. Долго никто не отвечал, наконец компьютерный голос не очень уверенно сообщил о недоступности абонента.

– Попробуем ещё раз, – компанейски предложила я, наклоняясь к микрофону. – А ещё лучше, пытайся соединится до победного.

– Уточните статус населённого пункта, – невозмутимо попросил компьютер, – в базе данных сто двенадцать населённых пунктов с наименованием «Победный».

Я фыркнула.

– В смысле, до победного конца. Звони пока не дозовонишься!

Компьютер задумался, но больше ничего не сказал.

Я душераздирающе зевнула. Хотя вокруг никого не было, аккуратно прикрыла рукой рот: воспитание – вещь въедливая. Некоторые вещи делаешь на автомате.

Бессонная ночь дала о себе знать: не успел грав войти в режим длительного полёта, я устроилась калачиком на двух сиденьях, подложила под голову сумку и спокойно, словно дома у себя на диване, заснула.

Глава 2. Полина

Сквозь сон до меня доносилось, как компьютер простуженным голосом что-то вещает про режим полёта, оправдывается, почему движение проходит гораздо ниже, чем того требуют обстоятельства, зачем-то пытается уточнить у меня координаты допустимых промежуточных пунктов. Только услышав голос папы, я подняла голову от импровизированной подушки.

Протирая заспанные глаза, я выглянула из гравы: в свете ярких солнечных лучей на горизонте уже появились прибрежные отроги Лимноса.

– Папуля!! Привет!!

– Ты в Греции?! На даче?! – Удивился отец, который, судя по примерным данным о месте сигнала, был где-то около Венеры. – Что ты там делаешь?!

Звук на несколько секунд прервался – он переключался на приватный канал.

Я замялась. Прямо по телефону говорить, что приехала за деньгами – совесть не позволяет. С другой стороны – как ещё сформулировать?

– Нужно решить некоторые проблемы, – я попыталась дипломатически уйти от прямого ответа и тут же с грацией слона перевела разговор на другую тему. – А ты что делаешь в космосе?

– Я на промышленной орбитальной станции. Неофициальный визит. Ничего интересного. Текучка. Тебе что-нибудь нужно?

– Ну-у, – протянула я, – в принципе, кое в чём, хотелось бы, конечно, чтобы ты мне помог.

– В чём именно?

– Не хочу говорить об этом по телефону. Давай встретимся в Сети?

– У тебя много времени?

– День-два есть. Может три, но не больше. Я в нашем классе главная, сомневаюсь, что ребята без меня справятся.

Папа колебался не больше секунды.

– Подождёшь меня на даче до завтра? Я приеду.

– Конечно подожду!!

Я и не рассчитывала на такую удачу, поэтому завопила так, что папа, наверное, вздрогнул.

– Жди.

Сенатор всегда донельзя краток. Краткость – сестра таланта. Кому, как не папуле об этом знать.

Солнце светило прямо в глаза, отчего я довольно шурилась, и сама себе напомнила сытую кошку.

Горы, маячившие на горизонте, куда-то пропали. Прикрываясь рукой от солнца, я вгляделась вдаль, потом принялась копаться в навигаторе бортового компа. Вскоре выяснилось: то, что мне минуту назад показалось Лимносом, на самом деле какой-то соседний остров; их в Средиземном море больше шестнадцати тысяч – немудрено и перепутать.

Спать расхотелось. Сначала я любовалась пейзажем. Под гравом проплывали однообразные сине-зелёные гребешки волн, в воде смутно отражались белоснежные барашки облаков и серебристое дно летящего гравы. Потом, почувствовав, что снова начинаю клевать носом, я встряхнулась, словно выбравшаяся из воды собака, и повернулась к микрофону:

– Через сколько мы прибудем на место?

– Расчётное время прибытия – через двадцать шесть минут.

– Двадцать шесть минут, – сказала я. От нечего делать я иногда любила пофилософствовать. – На первый взгляд, ничего страшного нет. С другой стороны, двадцать шесть минут – это почти полчаса, одна сорок восьмая часть суток. И всё это время я обязана сидеть в граве

и тупо пялиться на воду. Почему я должна тратить жизнь на такие глупые действия? В чём логика, а? – Повернулась я к микрофону. – Чего молчишь?

– Расчётное время прибытия – через двадцать пять минут. Относительно длительности стандартных земных суток могу сказать следующее: двадцать пять минут составляют пятьдесят семь целых шесть десятых...

– Всё, молчи, хватит!

Динамик замолчал. Вот он – типичный образчик современной коммуникационной техники. Наши инженеры ещё лет пятьдесят назад доложили о создании машинного интеллекта. Тогда все ожидали, что в компьютерной технике произойдёт революция, которая разделит развитие человеческой цивилизации на ДО и ПОСЛЕ. Этого не случилось. Причина была до смешного проста.

Отличительный признак любого компьютера – строгое двоичное мышление. Все стандартные компьютеры «думают», используя две разнополярные категории – да и нет, плюс и минус, чёрное и белое. Подобный стиль мышления называется компьютерным и является самым логичным из всех возможных.

Так происходило до тех пор, пока не появились процессоры с искусственным интеллектом. Компьютеры потеряли свою главную отличительную особенность – логику. Теперь машины вполне могли отстаивать в разговоре с человеком свою точку зрения, оперируя при этом сложными логическими построениями.

Именно в этом был камень преткновения. Если на старых компьютерах любой программист мог промоделировать поведение своей программы, то при работе на интеллектуальной технике никто не мог предположить, что изобразит монитор через пару-тройку минут. Компьютерная мысль вместо категорий ДА-НЕТ могла двинуться по любому пути. Для серьёзных научных задач интеллектуальные компьютеры оказались, мягко говоря, бесполезны. Область применения таких машин ограничилась развлекательной сферой, а в последние годы блоки с искусственным интеллектом начали встраивать в бортовые компьютеры муниципальных графов, и опять же с единственной целью: развеять скуку пассажиров.

Лично для меня общение с компьютерным разумом напоминает диалог с очень дотошным и психически не совсем вмняемым собеседником, который привязывается к каждому слову и слишком буквально понимает сказанное. Даже ответ на простенький вопрос «Сколько будет дважды два» может длиться минут двадцать и способен довести среднестатистического человека до белого каления.

Впрочем, тут стоит заметить, что интеллектуальной такая техника называется не совсем правильно. Самая главная особенность интеллекта – самообучаемость, а вот этого электронные мозги, даже самые современные и сложные, начисто лишены. В качестве операционной среды используются уже введённые данные, логические цепочки строятся между ними, таким образом создаётся имитация интеллекта, но свой собственный информационный запас, иначе говоря, что-то своё, компьютер создавать не может.

Парадоксально, но факт: вот уже несколько веков мы летаем в другие звёздные системы, но до сих пор не можем создать даже простенькую действующую модель человеческого мозга.

Пока я раздумывала над особенностями современной компьютерной техники, динамик вдруг булькнул сигналом вызова и игриво осведомился до боли знакомым голосом дяди Бори:

– И кто это такой смелый к нам пожаловал?

Борис Емельянович Садовников – это бессменный руководитель службы безопасности острова Лимнос на протяжении, по-моему, лет двадцати, если не больше. Лично мне очень симпатичен – никогда не сдавал меня, не особенно ругал за мелкие младенческие шалости и пару раз покрывал мои не совсем невинные грешки.

Но мне всегда казалось, что он – не очень умный... нет, скажу по-другому: что он – слишком доверчивый. Никогда не понимала, каким образом он смог стать шефом службы охраны

нашей летней резиденции – довольно серьёзной конторы, кстати сказать, – а главное – столько лет занимать эту должность. Даже я, будучи совсем маленькой, столько раз его обманывала, что и сейчас мне иногда становится стыдно за своё прошлое поведение.

Так что против Бориса Емельяновича у меня ничего нет. Совсем – ничего. Однако существуют некоторые вещи, проигнорировать которые в принципе невозможно, к примеру – хамское отношение к визитёрам нашего острова.

По правилам любой диалог службы безопасности острова с посетителем должен начинаться с того, что охранник на пульте чётко и внятно представляется по всей форме – указывает свои должность, звание и занимаемый пост, а затем просит назвать анкетные данные посетителя и осведомиться о цели визита.

Ладно, я – это понятно, для дяди Бори человек в какой-то степени свой. Но если бы на моём месте оказался бы кто-нибудь ещё, допустим, какой-нибудь папин или мой знакомый? А если бы остров решил посетить, к примеру, кто-то из Навигаторов, не знающий, что Сенатора на месте нет?

– Так кто же там всё-таки к нам пожаловал? – Повторил Борис Емельянович.

– Тебе-то какое дело, болезный? – Холодно осведомилась я. – С какой радости нужно перед тобой отсчитываться? Иди спать, малыш. Не трогай больше компьютер, а то папа по попке настучит!

Я представила себе глаза дяди Бори и прикрыла рот ладонью, чтобы не расхохотаться.

– Болезный, значит? – Удивился Борис Емельянович и некоторое время молчал. – Сейчас грохну из пушки – ни один хирург не склеит. И уже в больнице будете врать, что автопилот забарахлил и даже не представляли, что находитесь в запретной зоне.

– Грохни, – в моём голосе прозвучали металлические нотки; разговор перестал меня развлекать, – если такой смелый. А потом, на Совете Навигаторов внимательно прокрутим записи бортового компьютера и посчитаем, сколько нарушений зафиксировано за последнюю минуту.

Борис Емельянович озадаченно замолчал.

– Что-то ты, Боренька крут не по годам. Самому пятьдесят, а гонора – как у подростка. Грав чужой пропустил без проверочного сигнала, разговоры неуставные затеваешь, не представившись по всей форме. Да ещё и не по-детски угрожаешь. Я подозреваю, что именно ты всех папиных гостей разогнал. Что-то, я смотрю, к нам ездить в последнее время меньше стали. Ты бы, Борис Евгеньевич, поаккуратнее, а? Человек ты, конечно, свой, но ведь я могу и обидеться. Скажу словечко про твои художества – и до конца своей жизни будешь перед Навигаторами оправдываться, что ты не слон...

Связь прервалась. Я тряхнула головой, поправляя растрепавшиеся на ветру волосы, потом мрачно глянула на монитор. Иногда со мной такое бывало, будто что-то накатывает, понаговоришь кому-нибудь множество всяких неприятных вещей, а потом коришь себя, ибо без этого вполне можно было бы обойтись.

– Ладно, он сам виноват. В следующий раз осмотрительнее будет.

Прошептав это, я поняла, насколько сильно выбита из колеи, если начинаю оправдываться сама перед собой.

По нынешним правилам управлять гравом самостоятельно можно только по достижении совершеннолетия и только после получения разрешения на самостоятельное вождение. И, хотя управлять гравом я умею гораздо лучше, чем многие люди, гораздо старше меня, летаю я всегда на автопилоте. Ведь правила существуют, чтобы их исполнять, верно?

Однако сейчас мне пришлось сделать исключение – компьютер почему-то упорно пытался посадить грав на самую дальнюю и неудобную стоянку. Идти от неё до дома – минут двадцать. Пришлось взять управление в свои руки и самостоятельно вырулить в нужное место.

Я спрыгнула с грава на нагретый солнцем асфальт и побежала домой. Через минуту пришлось вернуться обратно – за сумочкой, которую в спешке забыла за сиденьем.

Дядя Боря ждал меня на крыльце.

– Привет, Борис Егорович!

Тот промолчал.

– Что-то ты совсем нюх потерял, дядь Боря, – сказала я. – Или хочешь заработать отпуск за счёт Навигаторов? Тогда тебе – не ко мне. Я своих не выдаю.

– Да ладно тебе, прекращай!

– Договорились. Кстати, о птичках. Завтра папа сюда обещал приехать, ты уж будь добр, не встречь его, как меня сегодня, а то твоя дальнейшая жизнь совсем уж уныло сложится.

Узнав о скором папином приезде, дядя Боря так и остался стоять на крыльце – впал в полный ступор и даже не пошёл провожать меня до дверей комнаты.

Судя по выражению лиц сидящих в дежурке, своим появлением я произвела среди охранников лёгкое замешательство. Конечно, чего ещё ожидать: я добралась до места на муниципальном граве, никого не предупредив, ни охрану, ни отца, даже одноклассники – и те должны были узнать об моём отъезде только тогда, когда я была уже на полпути к дому. Откуда им было знать, с чего это я заявила сюда в самое неподходящее время.

Дом выглядел непривычно пустым. Из-за того, что я уехала на учёбу, уволили всех моих наставников и воспитателей. Папа называл из «мамки-няньки», что мне всегда жутко нравилось. Даже не представляла, что, оказавшись в школе, я сама стану и мамкой и нянькой для четырёх десятков суперов.

Интересно, как там без меня Бахмурова, справляется? Хорошо, если бы она продержалась до моего приезда. А то ведь наши ребята такие... как бы так помягче сформулировать... во – боевые; уволят её со всех постов – и доказывай потом, что не верблюд. Главное, чтобы на её месте не очутился Никита, иначе к моменту моего приезда начнётся какая-нибудь неуправляемая социальная реакция.

Я вошла в свою комнату, я остановилась на пороге. Что-то сразу показалось мне необычным. Через секунду я поняла, что именно. И само помещение, и все предметы обстановки – почему-то сильно уменьшились в размерах и показались почти игрушечными. Даже громадный шкаф в торце комнаты, который всегда внушал мне почтение своими размерами и в котором я провела большую часть своего детства, теперь даже большим обзвать язык вряд ли повернётся – так, обычный рядовой предмет мебели.

Сколько я не была в этой комнате? Два месяца? Даже, пожалуй, чуть больше; точно помню, 22 июня мы отмечали именно здесь. Неужели я настолько быстро расту? Никогда бы не подумала! Даже тоскливо немножко, если честно, потому что я всегда была уверена, что маленькой быть гораздо интересней, чем взрослой.

Впрочем, это всё лирика. Я расцеловалась с Чапкой, которая меня вроде бы узнала, подсыпала в аквариум корм для рыбок (решила, пусть этой внеплановой трапезой отметят мой приезд) и только после этого принялась за работу: устроилась в позе лотоса на низеньком кожаном диване и включила персональник.

Закупка нужных для курса вещей заняла минут десять – мне нужно было всего лишь отыскать в Сети самый большой магазин и занести в книгу заявок длинный список покупок. Карманных денег хватило впритык – а тех, что остались, едва бы достало на десяток порций мороженого.

– Когда вы ожидаете получить заказ? – Осведомился продавец. Его лицо было мутным и постоянно меняло черты – современные графические стандарты «заточены» под трёхмерный Графонет и двухмерные экраны персональничков, даже самые лучших, как у меня, с некоторыми эффектами не справляются. Но ведь не будешь для простенького визита в магазин запускать большой комп!

– Я ожидаю получить заказ чем быстрее, тем лучше.

– Ваши покупки будут доставлены в течении двадцати минут.

Ребята из магазина управились в срок. И с этого момента начались проблемы. Борис Емельянович как сквозь землю провалился – его телефон молчал – и все вопросы пришлось решать самой. Несмотря на моё предупреждение, что сейчас появятся курьеры с товарами, идиот на пульте чуть не сбил грав торговцев на подступах к острову.

– Ты придурок! – Прошипела я в мобильник, набрав будку на первом этаже.

Оператор не ответил и выключился. Понял, наверное, что спорить со мной – себе дороже.

Потом мне долго пришлось объяснять охране, зачем нужно пускать на территорию резиденции совершенно посторонних людей с более чем объёмным багажом.

Не понимаю, откуда в нашем доме столько людей с недоразвитой психикой? Или их тут специально собирают?

Вскоре четыре громадных контейнера стояли на лужайке около парадного входа.

Курьеры умчались прочь с такой скоростью, словно доставили покупки не на дачу Сенатора, а в перенаселённый серпентарий.

– Где Борис Емельянович? – Спросила я у мужика в форме охранника, который, мрачно почёсывая подбородок, стоял перед моими покупками. Мне он сразу не понравился, ещё года три назад, когда я его увидела впервые. За всё это время он никак себя не проявил, мы только изредка встречались и даже не здоровались, но от одного только внешнего вида этого охранника меня почему-то корбило.

– Так где он?

Цербер даже не обернулся:

– Он пока подойти не может. Я вместо него.

– Мне нужно посмотреть, что в этих ящиках.

– Не подходите к ним. А ещё лучше – вообще идите в свою комнату. Сначала я сам их досмотрю.

– Не нужно их досматривать! – Отрубил я. – Где дядя Боря?!

– Он занят.

– Он не может быть занят, пока я тут! Позови его!

Появились ещё несколько охранников. Один из них начал вскрывать упаковку.

– Не трогай! – Взвилась я.

Остальные мягко оттеснили меня на задний план.

– Полина Германовна, мы в любом случае должны досмотреть прибывший груз, – проникновенно заговорил ВРИО дяди Бори, становясь между мной и контейнерами.

– Не имеешь права!

– Имею, Полина Германовна. И не просто право – у меня такая обязанность.

– Обязанность?! Шарить по моим сумкам?!...

Мы принялись ругаться.

Через четверть часа диалог потерял высоту интонаций.

– Это нужно МНЕ. В ШКОЛУ. Вы понимаете?! – Глядя куда-то в сторону, уже в который раз тоскливо повторяла я.

– Понимаю, – нудным голосом объяснял охранник. – Но оставить такой груз на территории охраняемого участка без личного досмотра я не могу.

– Я и так знаю, что там. Бытовые электронные побрякушки, зарядки для пищевиков и куча всякой еды. Ничего там опасного нет!

– Именно это я и хочу проверить.

– Это МОИ вещи – почему до тебя это не доходит? Я их завтра увезу!

– Даже если бы Вы их сейчас собирались увезти, я бы всё равно настоял на досмотре.

– Может вы ещё мой письменный стол обыщете?

– Зачем? – Той улыбке, которая появилась у мужчины, могла позавидовать сама Джонда. – Я и так знаю, что там есть.

– Как же! – Ядовито отозвалась я. – Знаете!

– Полина Германовна, а как вы считаете, в самом деле – не знаю? – Вроде бы он удивился вполне откровенно. – У меня работа такая. У всех нас работа такая. Так что извините.

Что меня бесило больше всего, сотрудник службы безопасности вёл беседу со мной вежливо и участливо, словно врач с пациентом психиатрической клиники.

И тут, очень не вовремя появился Борис Емельянович. Выказав ему со всей возможной ласковостью всё, что думаю по поводу происходящих событий, я ушла к себе в комнату.

Никакой личной жизни! И после всего этого ещё находятся люди, которые мне завидуют!

«А ведь всё это нужно будет переправить к школе, – задумалась я, глядя из окна второго этажа, как охрана бродит вокруг распотрошённых покупок. – Попросить кого-нибудь встретить меня там, что ли? Только непонятно, как это сделать – в школе мобильники ни у кого не работают. И отсюда никого не возьмёшь – посторонних в „Штуку“ не пускают. Как же я всё это на себе потащу? Ладно, ТУТ на грав мне всё это помогут загрузить, но ведь ТАМ от стоянки до школы ещё пилить и пилить!»

Сказать, что я, была в расстроенных чувствах – это не сказать ничего.

Едва я спустилась вниз – тут же наткнулась на Бориса Емельяновича. Не совсем приятно это вспоминать, но я снова высказала ему, всё что думаю и о нашей доблестной службы безопасности, и о нём лично. При это у начальника охраны был такой несчастный вид, что на мгновение у меня мелькнула крамольная мысль извинить и спустить всё на тормозах. Я отмела это желание в самом зародыше. Ещё не хватало, чтобы сегодняшнее происшествие стало повторяться изо дня в день.

Да, не спорю, я дочка самого Сенатора – единственная и неповторимая, и меня нужно охранять гораздо тщательнее, чем прочих смертных (за исключением, разумеется, папы) – но ведь я тоже человек и имею право на личную жизнь!

От нечего делать я принялась наводить порядок в телефонном справочнике мобильника. Половину имён постирала, оставшиеся не вызвали никакого вербального энтузиазма.

Точно знаю: стоит только позвонить какой-нибудь старой подруге – и всё оставшееся время придётся потратить на объяснения, что я здесь делаю, если уехала учиться, и как вообще живётся там, в этой пресловутой «Штуке».

А вправду – как?

Я сама не могла бы ответить на этот вопрос – проучилась всего два дня, вообще ничего пока не понятно. Тем более, признаваться в этом даже самым своим близким подругам, нет никакого резона. Да и какие они близкие? Если только по поговорке про безрыбье. К Бахмуровой, с которой знакома всего ничего, я испытываю и то больше тёплых чувств, чем к здешним девчонкам, которых знала уже не один год, с самого и их и своего детства, и которые как личности ничего из себя не представляли. Да и как иначе может быть, все они – дочери та-аких серьёзных родителей, которых даже самые глобальные и официальные СМИ всуе не поминают.

Нет! Никому не буду звонить!

Только сейчас я вдруг поняла, что если раньше я и общалась с кем-нибудь, то только из-за того, что нечего было делать. Существовать в полной изоляции от внешнего мира – это совсем не для меня. Сейчас у меня есть учёба, множество новых друзей и событий. Не хочется тратить время и нервы на пустую болтовню со всякими идиотками. Лучше уж позагорать, если на то пошло. Вряд ли до следующего лето для этого можно будет отыскать время.

Да, точно! Позагорать – это самое то.

Я спустилась по лестнице на первый этаж и помчалась к выходу, но около «аквариума» остановилась, словно натолкнувшись на невидимую стену. Крохотная каморка дежурного оказалась заполненной до отказа. Впервые в жизни я видела столько людей солидной комплекции

в одном миниатюрном помещении. Дядя Боря сидел за столом перед чашкой кофе, остальные сгрудились вокруг своего шефа, взгляды всех устремлены в мою сторону. Интересно, что они тут делают? И кто они вообще такие? Первые раз их вижу!

Люди у нас работают более-менее постоянные, текучка – практически нулевая, поэтому встретить кого-то нового, особенно среди охраны, – шанс практически нулевой. Тем не менее, с полдесятка здоровенных лбов стоят и плятятся на меня, словно впервые меня видят. Хотя и вправду – впервые – по визору – это не считается.

«Ладно, так уж и быть, пусть смотрят, от меня из-за этого не убудет»

– Работа у нас такая, – охотно пояснил Борис Емельянович в ответ на мой недоумённый взгляд. – Охранники в комнате охраны – что может быть логичнее?

– А мне сдаётся, что вы просто-напросто от бандитов здесь прячетесь, – сказала я.

Борис Емельянович хмыкнул:

– Может и так.

Он вообще очень редко спорит, особенно со мной. Иногда это здорово раздражает.

– Торчите тут как дубы, – продолжила я свои обвинения. – Нет, чтобы чем-нибудь полезным заняться. Цветочки, там, какие-нибудь посадить, дерево вырастить, полы помыть...

– Уж лучше мы тут, – ответил дядя Боря, в глазах которого плясали чертенята, – а то, если будем по острову шляться, можем и по голове ненароком отхватить, чего вообще-то не хотелось бы.

Поняв, что переговорить дядю Борю не получится – сегодня у него слишком хорошее настроение – я перешла к конкретике.

– Я полчаса позагораю.

– Хорошо.

– Если что – позвоню

– Ладно.

Ноги сами собой вынесли меня на улицу.

Интересные ребята в дежурке собрались. Надо потом дядю Борю спросить, кто они такие. Первый – то-ли китаец, то-ли японец, то-ли вообще чукча – маленький, жёлтый и узкоглазый, второй – негр, третий – с коричневой кожей и специфичными крупными и правильными чертами лица – похоже, латинец, четвёртый – простой белокожий парень, но вот параметры у него такие, что в любую дверь он будет заходить боком и пригибаясь (чтобы не задеть головой об косяк). Очень колоритные персонажи. И все – в камуфляже. Неужели всё-таки новые охранники?

Вообще-то море я люблю. Точнее, морской пейзаж. А ещё я очень люблю загорать на берегу. Но вот плавать – побаиваюсь. Однажды, когда мы отдыхали на каком-то курорте, я увидела утонувшего в бассейне мальчишку. Его только вытащили из воды и ещё не успели ничем прикрыть – Патрульные замешкались. Мальчик был настолько похож на меня, и возрастом, и телосложением, и загаром, что у меня в глазах на миг потемнело, а по спине пробежали мурашки.

Не скажу, что после этого случая у меня появилась стойкая гидрофобия – я не настолько впечатлительна, но лёгкая боязнь открытого водного пространства на личной психической карте всё-таки нарисовалась. Об этом знает только папа и никто больше – всем остальным стараюсь не дать повода для подозрений, просто если есть возможность не купаться – я не купаюсь. Всего-навсего.

Некоторое время я раздумывала, стоит ли вообще раздеваться – здорово раздражали мужики в комбинезонах, которые, таща на себе какие-то механизмы и провода, появлялись в самых неожиданных местах – по дороге я встретила человек пять. Наконец я решила, что вряд ли в ближайшее время у меня ещё выпадет возможность принять солнечную ванну, ста-

щила с себя платье и улеглась на первый же подвернувшийся тент. Губы тут же начали растягиваться в глупо-счастливой улыбке.

И я сразу подумала, что жизнь всё-таки хороша, кто бы там что не говорил!

Глава 3. Борис Емельянович

Во всей обитаемой вселенной учебный год начинается сразу после рождественских каникул – пятнадцатого января. И только на Земле в силу древней традиции все учебные заведения – школы, академии, институты, Школы юных талантов – запускаются первого сентября.

На эту же дату приходится начало нового сезона почти во всех официальных учреждениях планеты, включая Навигаторские и военные структуры.

После летнего анабиоза просыпаются множество промышленных предприятий, фирм, фирмочек и заводов.

Именно в первый осенний день визоканалы запускают новые сериалы и циклы передач, а в Графонете, стремясь привлечь новых пользователей, меняют содержание и оформление сайтов.

Даже транспортники, которые в ряду прочих муниципальных служб вроде бы должны работать стабильно и ровно, без всяких изменений, – даже они стараются не выбиваться из общей тенденции и меняют расписания рейсов и конфигурацию маршрутов.

Всё вышеперечисленное не лучшим образом отражается на душевном комфорте населения. В один-единственный день года всё приходит в движение: исчезает из привычных мест, появляется там, где никогда не было, переименовывается, меняет сетевой адрес, цвет, форму, размер, улетает или уезжает в другую сторону и в другое время – раньше или позже. Документы с новыми грифами путаются с бумагами, которые ещё не успели перегрифить – и во всём бюрократическом мире, вкупе к обычному, на пару недель вперёд возникает жуткая неразбериха...

А зачем?

Хоть кто-нибудь знает?

Вряд ли.

А Навигаторам, и в этом я абсолютно убеждён, почему-то удобно такое положение вещей – иначе одним-единственным указом давным-давно пресекли бы ежегодный бардак всепланетного масштаба. Почему – это, конечно, вопрос ещё тот.

Меня зовут Борис Емельянович Садовников. В течении вот уже двенадцати лет я исполняю обязанности начальника службы безопасности острова Лимнос. Не скажу, что я в особенном восторге от такой непыльной, в принципе, работёнки, всё-таки мой возраст ближе к пенсионному, чем к школьному, но приказ о моём увольнении вот уже несколько лет валяется в каком-то дальнем ящике в одесской конторе – и никто не горит желанием его подписывать. Впрочем, я ещё буду иметь возможность об этом рассказать.

В первых числах сентября я был занят под завязку, ибо отправлял в школу трёх внуков и двух дочек. У младшего сына в Академии заканчивались вступительные экзамены в аспирантуру. Тёща с зятем уехали в командировку на окраину галактики, жену угораздило лечь в больницу на какие-то профилактические процедуры – все домашние дела приходилось тащить на своём горбу.

На работе тоже навалилось множество проблем. Именно с первого по десятое сентября в летней резиденции Сенатора проводили профилактический ремонт всех систем охраны. Нужно было поднимать все отчёты, записки, доклады за предыдущий год о любых, даже самых мелких сбоях или просто о недостаточно быстрой работе любого устройства, включённого в сеть безопасности острова.

С местными специалистами я, если и не нашёл общий язык, то, по крайней мере, знал, чего от них можно ожидать. Работу же столичных инженеров приходилось постоянно контролировать. А так как их понаехало немерено и разбежались они сразу и по всему острову, то мне как шефу службы безопасности приходилось быть одновременно в нескольких местах.

Главный программист – мужик вредный и донельзя деловой, – это стало понятно сразу – прибыл последним и даже не зашёл поздороваться, показал в камеру всклокоченную шевелюру, буркнул что-то невразумительное по мобильнику, прислал на персональник полторы сотни бланков для отчётов – и исчез в глубинах технического уровня.

Но и это ещё не всё.

Месяц назад из Одессы пришло извещение, что в сентябре резиденцию придут на стажировку новобранцы для столичного корпуса охраны в количестве четырёх человек. Впрочем, то, что они новобранцы – это формулировка не совсем верная. За спиной ребят остались, как минимум, пять лет службы в регулярных войсках, потом – несколько лет – в специальных, ещё год – стажировки. Только после этого совокупность плюсов в послужном списке позволила перебраться им на высшую ступень военной карьеры – на службу в войсках Сенаторской охраны. Сразу отправлять новичков в главные офисы не принято, и лучшего места для их «обкатки» чем летняя резиденция Сенатора почему-то не находится.

Их прибытие тоже оказалось запланировано на первое сентября.

Вдобавок ко всему, у меня находилось ещё множество дел, которые нужно было решать первого числа каждого месяца. Подчинённые, на которых я мог возложить хоть часть своих служебных обязанностей, отгуливали оставшиеся с предыдущих лет отпуска – поэтому, вдобавок к домашним делам, и на работе приходилось крутиться самому.

Тут было, от чего впасть в уныние.

Прибытие новичков удалось перепланировать на четвёртое число. К этому времени как раз начала разгребаться текучка.

Бойцы прибыли утром, сразу после официального подъёма, хорошо хоть без всяких приключений. Я бросил беглый взгляд в наручный компьютер, куда трансляция со всех камер наблюдения и, не сдержавшись выругался. Этого ещё не хватало: новенькие, особенно если смотреть на них вместе и с одного ракурса – вылитые циркачи. Бродячий балаган. В их тёплую компанию ещё бы мишку с балалайкой – и можно на улице за деньги показывать.

Я вызвал дежурку:

– Эй, кто там свободный – устройте новичков.

Через минуту дежурный офицер увёл их прочь.

Стоило только расслабиться – и тут же последовало два события, каждое из которых по отдельности ставило на уши всю охрану, а два вместе по эффективности могли сравниться с небольшим землетрясением.

Во-первых, совершенно неожиданно появилась Полина Германовна, которую отправили учиться в школу Навигаторов и которая, следовательно, как минимум несколько месяцев должна пребывать вне зоны ответственности моей службы. Во-вторых, как тут же сообщила сама Полина, грозился прибыть сам Сенатор. Он и в лучшие дни не баловал остров своими посещениями, а после переизбрания на второй срок навещал резиденцию раза три-четыре в год – не чаще.

Обеспечивать же охрану Сенаторской семьи, имея в активе неработающую электронику и множество посторонних людей, которые шныряют взад-вперёд по всему острову – такого врагу не пожелаешь.

Теперь – обо всё по порядку.

Полина Германовна прилетела четвёртого сентября сразу после обеда. Центральный компьютер доложил о приближении гравы, но принадлежность последнего к парку знакомого транспорта определить не смог, из чего следовал однозначный вывод, что около территории острова оказался чужак. Во время пребывания в резиденции Германа Геннадьевича, его дочери или их высокопоставленных гостей, подобная ситуация требовала однозначной реакции – после краткого предупреждения по Сети, включалась антигравитационная пушка – и незадачливый визитёр зависал в воздухе или камнем падал в воду – в зависимости от настроек гравы.

У меня за плечами осталось множество переделанных дел и решённых проблем, поэтому я пребывал в юмористическом расположении духа и решил развлечься: вместо того чтобы отправить на комп граву запрос кода, ткнул пальцем в клавишу включения голосовой связи.

– И кто это такой смелый к нам пожаловал? – (Впоследствии не раз пришлось корить себя за игривость голоса) – Уверены, что вам именно сюда?

– Тебе-то какое дело, болезный? – Не раздумывая ни мгновения, ответили с той стороны аппарата. – С какой радости нужно перед тобой отсчитываться? Иди спать, малыш. Не трогай больше компьютер, а то папа по попке настучит.

– Болезный, значит? – Озадаченно повторил я. – Сейчас грохну из пушки – ни один хирург не склеит. И уже в больнице будете врать, что автопилот забарахлил и даже не представляли, что находитесь в запретной зоне.

– Ты у меня сам схлопочешь, ненаглядный мой – пообещал голос. – Вот сейчас появлюсь – и наведу порядок в твоей конторе. Ты, Борис Ерофеевич, давно на курсах повышения квалификации не был?

Все десять лет своей жизни вредная девчонка упорно делала вид, что не может запомнить моего отчества и каждый раз называла меня по-разному. Может она считала это удачной шуткой?

Я понял, с кем имею дело, и выругался, забыв выключить голосовую связь. Именно дочку Германа Геннадьевича в данный конкретный момент я ожидал услышать меньше всего.

По всем раскладам Полина Германовна должна сейчас учиться где-то на границе Новгородской и Вологодской областей. Здесь-то она каким боком очутилась?!

Мрачный, словно висельник перед казнью, я, выключил связь. Ещё хорошо, что рядом нет подчинённых – никто не видел моего позора. Поделом – сам виноват: пребывал в твёрдой уверенности, что всё начальство на безопасном удалении, решил морально расслабиться – вот и получил по полной программе. И что обиднее всего – от десятилетней девчонки, которая даром, что супер, как ни крути, всё равно ребёнок.

Зверская работа. Уволиться бы отсюда и сидеть дома, выращивать помидоры. Или пчёл разводить, как Шерлок Холмс.

Такие мысли не раз приходили мне в голову, особенно в последние два года, после того, как Германа Геннадьевича избрали на третий срок и стало понятно, что никаких изменений в нынешнем существовании не предвидится. Так ведь не отпускают, что самое печальное. И отмазку нашли – лучше не придумаешь: «больше специалистов нет». Ага, как же. Будто много мозгов нужно сидеть и пялиться в мониторы.

Полина появилась на аллейке перед домом уже минут через десять, припарковав грав на ближней стоянке. Холёная и свежая, будто не из школы приехала, а из круиза. Я встретил её на крыльце, привычно делая вид, что появился тут совершенно случайно.

– Привет, Борис Егорович!

Я не очень дружелюбно кивнул.

– Что-то ты совсем нюх потерял, дядь Боря, – приветливо заметила девочка. – Или хочешь заработать отпуск за счёт Навигаторов? Тогда тебе – не ко мне. Я своих не выдаю. В папин грав из пушки будто ненароком пальни – он тебя сразу на лучший курорт отправит. И самых дорогих врачей наймёт, чтобы тебя вылизывали со всех сторон. Только не вздумай попасть!

– Ладно тебе – Буркнул я. – Прекращай. И без этого тошно.

– Как хочешь, – не смутилась Полина. – Прекращу... То есть, прекратю... Короче, ты меня понял. Ладно, не будем о негативе. Давай заведём светскую беседу. Как у тебя дела, дядь Борь?... Хотя, и так всё понятно, – перебила она сама себя, – отвечать не обязательно. Рада, что в наше с папой отсутствие ты не впадаешь в уныние, а веселишься по полной программе. Как моя черепашка? С ней всё в порядке?

– Что с ней будет! – Досадливо отмахнулся я.

– Точно! – Согласилась Полина. – Она ещё моих внуков переживёт. Говорят, эти зверьки по триста лет живут, а Чапке всего два годика. По нашим человеческим меркам она даже не младенец, а вообще эмбрион... Каждый день кормил?

Я кивнул.

– Рыбки тоже в норме?

– Одна сдохла.

– Ещё недели не прошло! – Возмутилась девочка.

– Я прихожу – а она вверх брюхом плавает. Что мне было делать?

– Ладно, будем надеяться, что это случайность. А крыска?

– Ты же сама отдала её Лизе Мирославской.

– Ах, да, совсем забыла! Столько дел, что все мысли в голове не умещаются!

– А ты чего не в школе?

– Выгнали, – Полина взмахнула крохотной сумочкой, описав вокруг головы круг. – Сказали, не подхожу по уровню умственного развития. – Представляешь?

– Что – правда?! – Изумился я.

– Ага. Я умная как Совет Навигаторов, да ещё и красивая – просто жуть! А там такие суслики собрались, что на них без слёз посмотреть нельзя... Ну, пара девчонок – ничего, симпатичненькие, одну из них я себе в соседки взяла. Вторая – слишком уж красивая, я даже не стала связываться... Ещё не хватало, чтобы нас сравнивали... И всего один мальчишка из всей их мужицкой компании – так себе. Правда деловой – просто жуть, его ещё обтёсывать и обтёсывать, даже не знаю, стоит ли начинать... О чём это я?... Ах, да! Про интеллект! Эти дикобразы теорему Пифагора только впятером и то едва могут вспомнить. Вот учителя посудили-порядили, потихоньку собрались и попросили меня на домашнее обучение перейти, чтобы у других детишек комплексы не вырабатывать – всё-таки им долго жить, чувствуя себя ущемлёнными – не каждому такого пожелаешь...

– Вечно ты со своими шуточками! – Облегчённо выдохнул я.

– С кем же мне ещё шутить, как не с тобой – не с теми же бобрами, что к папе в гости приходят. Кстати, – Полина остановилась на сверкающем белизной мраморном пороге, хозяйственно поправляя нижнюю ветку растущей перед входом пальмочки. – Я ему только что звонила, он завтра обещал подъехать.

– Сюда?! – Подскочил я.

– Если бы он прилетал в Одессу, я бы тамошней охране об этом сказала, а не тебе, – разумно ответила девочка. – Точнее, вообще бы говорить не стала – мне всё равно, что там в столице происходит. Если кому попадёт – даже обрадуюсь, пусть знают!

– Что – знают?

– Просто – знают.

Она приложила руку к замку – дверь осталась стоять на месте. Изумлённая, обернулась:

– Что случилось?

– У нас профилактика всех систем. Электроника почти не работает. Все входные двери замкнуты на меня.

– Открой!

Я хмыкнул:

– Куда мне теперь деться? – Хлопнул по замку своей ладонью, дверь тут же отъехала в стену. – Ты к нам надолго?

– День-два, – пожалала худенькими загорелыми плечами Полина, – вряд ли больше. С папулей решу кое-какие вопросы – и сразу обратно... Ах, да, ты же ещё не в курсе, но я там, в «Штуке», старшей выбрана. Дел у меня сейчас – невпроворот. Ты представляешь, каково это: сорок человек – и все суперы?! И я ими командую – только вообрази себе такое шоу! Это

не то же самое, что быть старостой у обычных ребят. Некоторые мои новые одноклассники – такие барбосы!...

Я нисколько не удивился подобному спичу. Такой уж у нашей Полины Германовны характер. Всюду, где появляется, девочка тут же становится центром всеобщего внимания. Множество людей смотрят ей в рот и готовы исполнять любое её желание, просьбу или приказ – Полина Германовна с самого нежного возраста являлась грамотным манипулятором и в любой ситуации умела отыскать нужный тон – здесь, похоже, папины гены поработали. Да и статус дочери Сенатора, вне всяких сомнений, играет большую роль.

Пробежав мимо дежурки, Полина легко вспорхнула по лестнице и последние слова выкрикивала уже со второго этажа.

Я снова вышел на крыльцо и остановился, мрачно поглаживая выбритый до синевы подбородок. Со всей возможной ясностью я осознал, что положение – на грани фола. Штат охранников, и так весьма немногочисленный, из-за осенних отпусков поредел больше, чем на половину. На аппаратуру надеяться не стоит – не работает даже необходимый минимум. Весь остров – без малого пятьсот квадратов – сейчас нашей службе безопасности не охватить, да это и вряд ли это понадобится.

Невзирая на всё вышеперечисленное, нужно незамедлительно взять под контроль все подступы к дому, сам дом, все стоянки гравов. По всему участку бродят ремонтники – на ближайшие три дня всех следует убрать за периметр. Люди они, конечно, надёжные, проверенные столичным начальством до последней митохондрии, но лишний раз перестраховаться не помешает. Нужно только не забыть дать им вводную, чтобы включили то, что не успели разобрать.

Можно было бы, конечно, пригласить на усиление десятков бойцов из главного управления в Одессе, но за два дня вряд ли может случиться что-нибудь серьёзное, да и ребят дёргать не хочется.

Короче, подытожил я, ладно, можно обойтись своими силами.

Я выкурил сигарету, с силой швырнул окурки в утилизатор и вздрогнул от резкого хлопка. Над металлическим цилиндром показался лёгкий дымок. Я выругался и едва не пнул сверхнавороченный механизм. Обычные – работают бесшумно.

Дальше – больше. Стоило только на полчаса исчезнуть в дебрях технического уровня, вернувшись, я нарвался на вселенский скандал: на лужайке перед домом высилась куча коробок, пакетов и свёртков в разорванной упаковке. Бойцы лениво перебирали всё это добро – между ними фурией металась Полина Германовна, которая налетела на меня словно голодный пёс на вырезку:

– Евграфыч, ты чего – вообще всё попутал?!!

– Что такое?

– Мне привезли из магазина заказ для школы! Твои пёсики продавцов чуть не перебили! Мои покупки вообще по лоскуткам раздраконили!

– Ну-у, – протянул я, лихорадочно отыскивая оправдания, – вроде бы они и не особенно-то и раздраконили...

– Короче, – лицо Сенаторской дочки пылало неопишным гневом, – собирай всех своих бойцов – и через полчаса вся разрезанная упаковка уже склеена!! И что бы без швов!! Я в школу такой бардак не повезу! Или на свою зарплату будешь второй раз то же самое покупать!

Как это советовали все пособия по психологии, я опустил глаза в землю и про себя посчитал до десяти, когда поднял голову, скандальной девочки рядом уже не было.

Глава 4. Борис Емельянович

– Чего она хотела? – Осведомился высокий белобрысый парень из новобранцев, забредший в столовую и обнаруживший меня над остывшей чашкой кофе.

– Кто? – Рассеянно осведомился я, думая совсем о другом.

– Ты же вроде с дочкой Германа только что разговаривал, верно? Я в окно видел. Как там её, Полина, что ли? – Он, конечно, лукавил – её имя было известно всем землянам. Да и меня, судя по всему, не знал в лицо и видел впервые, иначе бы вёл себя более тактично.

Я не упустил случая прочитать кратенькое назидание.

– Для начала запомни, что не Полина, а Полина Германовна. Даже если вы когда-нибудь подружитесь, что вряд ли; и будете сидеть на каком-нибудь пенёчке в лесу и болтать о жизни, что ещё более *врядлее*, чем первое – даже тогда советую называть её по имени-отчеству и никак иначе. Как правило, госпожа Иванова паталогически вежлива, но очень не любит панибратства. И если ты в её адрес брякнешь что-нибудь не то или не так, особенно при посторонних... хмммм... Полина Германовна промолчит и не покажет вида, тем более, не скажет об этом отцу, однако обязательно найдёт способ отомстить; причём так, что мало тебе не покажется. У нас, на острове, если кто-то и увольняется по собственному желанию, то только из-за того, что не смог найти общий язык с Полиной Германовной...

Одним большим глотком я допил кофе.

Затрезвонил мобильник. Я тыльной стороной ладони отодвинул от себя кружку.

– Да?

– Боренька, – раздался тихий проникновенный голос, – солнышко ненаглядное, родной мой человечек – ты совсем охренел?! У тебя, что, недоразвитый, – проблем мало?! Так я их тебе сейчас организую – мало не покажется!

Я, осознав услышанное, сначала не поверил своим ушам – мало кто осмеливался вести себя подобным образом в отношении ко мне. Но уже через секунду понял, кто звонит – главный инженер. И не просто главный, а самый главный – из Одессы. А от столичного начальства, пусть даже маленького, всего можно ожидать.

Теоретически именно этот мужик лично отвечал за работоспособность всех систем, обеспечивающих безопасность Сенатора. Практически же он сидел в столичном офисе и никогда никуда не выезжал, предпочитая, как истинный руководитель, все вопросы решать руками своих подчинённых. В очень редких случаях, как, например, сейчас, в происходящее вмешивался лично.

– В смысле – охренел?

– То, что к тебе приезжает Сенатор – это не повод всех моих людей на неделю отправлять обратно в Одессу.

– Всего на пару дней...

– Да хоть на пару часов! Ты знаешь, с каких объектов я их снял, чтобы в твоём медвежьем углу навести порядок?! К нему, видите ли, Сенатор заглянул мельком – и он бучу поднял. А у нас Герман Геннадьевич – ЖИВЁТ! И работает! Постоянно! Изо дня в день! И не только он, но и Навигаторы, и их замы, и замы их замов... Что, по-твоему, мы должны делать? Всех отправить в Новую Зеландию, пока мы тут примуса починаем?!

Я привычно закрыл глаза и посчитал до трёх (нужно было до десяти, но ситуация не позволяла).

– У меня люди в отпусках, – попытался объяснить я. – С имеющимися в наличии людскими ресурсами я не смогу обеспечить охрану всей территории.

– Значит вызывай их из отпусков!! – Взревел инженер. (Мой спокойный голос раздраковил его ещё больше) – Сам садись на вахту! Лично бегай с автоматом по острову!

Не нужно быть семи пядей во лбу чтобы сообразить, почему тот кипятится. Понимал это и я. За долгие годы службы в Центре у служивого выработался комплекс неполноценности. В Главном Управлении приходится подчиняться всем и каждому. Тех, на кого можно поорать, – человек двадцать, и те – ремонтники. Только и остаётся, что срываться на посторонних.

– Если нужно – буду. Но что это изменит?

– Короче: если кто-нибудь из моих ребят уедет с острова хоть на пару минут – раньше следующего лета никто не вернётся. Сам будешь компы настраивать!

Он выключился.

Я снял с руки мобильник и стиснул тонкий ободок, словно собрался его сломать. Бывают же такие моральные уроды!

Сзади раздалось деликатное покашливание. Я резко обернулся.

Молодой боец, о котором я напрочь успел забыть, неловко переминался с ноги на ногу.

– Проблемы? – Участливо поинтересовался он.

– Ты у нас вроде Николай?

Тот кивнул.

– Собирай всех новичков. Через пять минут в дежурке. Познакомимся.

– С кем, с вами?

Я хмыкнул:

– С девочками из бара, блин!

Новичок похлопал глазами и, попятившись, исчез.

Признал, значит, начальство.

Я сыграл соло на пульте управления. Во все логах, архивах и базах данных зафиксировалась информация, что четвёртого сентября 2598 года, в 15.48 по местному времени Периметр оказался закрыт.

Небольшая справка. По данным большой Галактической энциклопедии территория острова Лимнос (в другом чтении – Лемнос) составляла 476 квадратных километра, а протяжённость береговой линии – 259 километров. В ней же можно было узнать множество самой разной информации, касающейся климата, географического положения, особенностей животного и растительного мира.

Но мало кто знает, что весь остров принадлежит к Навигаторской структуре и являлся летней резиденцией Сенатора – во всех официальных справочниках об этом тактично умалчивается. То, что Лимнос изолирован от остального человечества, можно было узнать непосредственно на месте.

На мониторе любого гравы, приближающего к Лимносу, загорается надпись об антигравитационной карантинной зоне. Если этот факт энтузиазма визитёра не остужает, то на бортовой компьютер поступает запрос кода доступа в зону. И только после игнорирования этого совсем непрозрачного намёка с посетителем связывается непосредственно охрана резиденции, которая чётко и внятно (как правило, голосом главного охранного персонажа – то бишь меня), объясняет, почему мимо острова было бы неплохо проследовать на крейсерской скорости и на максимально возможном удалении. Если и эти аргументы не вдохновляют настырного незнакомца, в соответствии со строгими канонами служебной инструкции, применяется последний довод – гравитационная пушка.

Несмотря на эти предосторожности, по всей береговой линии располагается сеть датчиков и лазерных установок, которые имеют автономный режим работы. Всё вкуче условно называется Периметром. Он включается редко – только в самых критических обстоятельствах. За шестнадцать лет своей работы я помню лишь четыре таких случая. Последний раз это произошло, когда у экспериментальных военных гравов на соседней военной базе отказала система управления. С нашего острова это выглядело более чем устрашающе: в нашу сторону

без предупреждения, не отзываясь ни на какие сигналы, направилось несколько тяжёлых единиц боевой техники. Сенатор (тогда это был ещё не Иванов) как раз пребывал на охраняемой территории. Возникшую суматоху помнят до сих пор. Периметр включили – и аппаратура сработала безукоризненно – все гравы оказались сбиты в полутора километрах от суши.

– Третий – ко мне! – Буркнул я в мобильник.

Оператор появился через несколько секунд, словно ждал под дверью.

– Я включил Периметр.

Глаза Третьего расширились.

– Что, – хмыкнул я, – будут какие-то комментарии?

– Нет, – замотал головой тот и тут же осведомился. – А что, обязательно нужно было включать?

– Обязательно. Сетка дежурства на Периметре – два по четыре.

– А кто второй?

– Подежурь пару часов один – чуть позже укомплектую наряд.

Оператор опустил в соседнее кресло и защёлкал кнопками клавиатуры, проверяя датчики. Я некоторое время наблюдал за его чёткими, размеренными движениями, потом грузно поднялся с кресла:

– Скоро вернусь.

Летняя резиденция Сенатора делится на две неравные части. Первая – широка, просторна и красива. Именно на ней располагается жизненное пространство обитателей дома. Здесь работает и отдыхает Сенатор. По комнатам, устланным коврами, бегала маленькая, а затем подросшая Полина. В громадных комнатах, больше похожих на музейные залы, живут и работают многочисленные официальные и неофициальные гости Сенатора. В библиотечных холлах среди аккуратных полок с книгами подписываются указы и назначения, ноты и меморандумы, заключаются и расторгаются дипломатические соглашения. Именно по этим коридорам важно шествуют приезжающие к Сенатору Навигаторы.

Люди живут обычной жизнью самых высокопоставленных лиц планеты и не особенно задумываются, каким образом в комнатах резиденции незаметно появляется и исчезает обслуживающий персонал. Вот, только что, кажется, рядом никого не было – и вот уже за спиной стоит тихая улыбчивая женщина с подносом напитков. Возьмёшь стакан с лимонадом, поблагодаришь – женщина выйдет за дверь. Через пару секунд нажмёшь на замок, выглянешь наружу – а коридор – широкий длинный и хорошо освещённый – в обе стороны абсолютно пуст.

Мистика? Всё куда проще. Специалист, проектировавший здание, был гением. Внутри одного архитектурного объёма ему удалось создать два жизненных пространства, пересекающихся друг с другом настолько ненавязчиво, что это было трудно уловить.

Кроме основной, официальной территории, в доме существует вторая – служебная, которая выглядит гораздо непрезентабельней первой, ибо донельзя практична. Крохотные комнатки и миниатюрные подсобные помещения соединяются между собой узенькими низкими коридорами; для экономии пространства все углы закруглены, а вместо лестниц применяются миниатюрные лифты и компактные антигравитационные трамплины.

Именно поэтому передвигаться по служебным проходам можно куда быстрее, чем по официальным комнатам.

Я шёл в сторону дежурки и особенно не торопился. Именно теперь спешка не нужна. Всё, что нужно было, уже сделано. И даже больше (но у меня всё-таки оставались сомнения, стоило ли идти на такие крайние меры как включение Периметра).

Дежуркой называют обширное помещение на третьем подземном уровне. Официальное название звучит более солидно – комната дежурной смены.

При наличии хоть сколь-нибудь живого воображения, охранную систему можно представить живым существом. В таком случае каналы связи между постами – будут нервами,

всевозможные датчики и видеокамеры – органами чувств, блоки питания, качающие энергию из окружающего пространства – сердцем, силовые кабели, разводящие энергию по территории острова – кровеносными сосудами, а комната дежурной смены – вне всяких сомнений – исполнила бы роль мозгового центра.

Я работаю в здешней конторе шестнадцать лет, из них – двенадцать на руководящей должности, поэтому дежурка – без всяких преувеличений – мой родной дом, в котором я днюю и ночую. Тем не менее, заходя внутрь, я каждый раз изумляюсь тому громадному количеству аппаратуры, которую умудрились запихнуть в ограниченный, в принципе, объём пространства. Металлический пол едва слышно вибрирует. Чтобы не приложиться головой об выступающие части аппаратов, постоянно приходится пригибаться и делать всякие заковыристые па. Какие-то мудрёные механизмы гудят даже на потолке.

Гофрированные пучки проводов, тянущиеся по стенам, здорово смахивают на громадных змей. Человеку с буйным воображением дежурка вполне может показаться крохотным стеклянным аквариумом, который стоит в центре густонаселённого серпентария. Сквозь прозрачные стенки виднеются тела громадных змей, который обвивают аквариум со всех сторон, сплетаясь между собой в самых причудливых комбинациях. А люди, маленькие и напуганные, сидят в центре аквариума и, затаив дыхание, наблюдают за кишашими вокруг гадами...

Тьфу, какая только ерунда иногда не приходит в голову!

Три здешних оператора, сидят за пультами наблюдения перед виртуальными мониторами и не обращают никакого внимания на происходящее вокруг.

Я удостоился от них лишь двух лёгких кивков и одного косога взгляда.

Молодцы, не отвлекаются. Так и надо.

Молодые бойцы торопились выполнить первый приказ – и, слегка запыхавшиеся, оказались донельзя изумлены, когда их будущий шеф оказался на месте randevu гораздо быстрее их.

– Выстроимся по росту, что ли, – предложил уже знакомый мне Николай, спиной вперёд заходя в дежурку. – Всё эстетичнее будет.

– На кой тебе это нужно? – Прогудел кто-то из-за двери.

– Нам с этим хмырём несколько месяцев нужно как-то уживаться, – Николай всё ещё не видел меня, поэтому вещал более чем громогласно, – надо сразу произвести хорошее впечатление.

– Считаю, что добился противоположного результата.

Парень резко обернулся и приоткрыл рот. Его лицо слегка покраснело.

– Нежная у тебя кожа..., – хмыкнул я. – Тебе бы с твоими нервами бабочек в ботаническом саду изучать... Ладно, становитесь по росту, идея в принципе, не плохая.

Вскоре четверо ребят переминались с ноги на ногу в импровизированном строю. Они настолько резко контрастировали друг с другом – и чертами лиц, и ростом, и цветом кожи, что казалось, будто в одном месте их долго и тщательно собирал какой-то шутник. Со стороны они напоминали труппу бродячего цирка старых времён.

Первый – высокий и светловолосый Николай – был единственным европеоидом. В личном деле фигурировало его прозвище – Дипломат.

На представителя дипломатической миссии он, мягко выражаясь, не тянул.

– Дипломат, значит? – Уточнил я, тщательно изучая монитор своего персональника. Последней фотографии не исполнилось и недели.

– Он самый, – хмыкнул парень, показывая в широкой улыбке безукоризненно-белые зубы. От недавнего конфуза и следа не осталось. – Если хотите, могу на спор за пару минут любого убедить, что снег – чёрный, а крокодилы летают.

– Отставить шутки! – Сухо бросил я. – Срок – неделя. За это время постарайся убедить меня в своей полезности – больше от тебя ничего не требуется.

Тот, несколько не обескураженный, пожал плечами:

– Сделаем, было бы сказано...

Второй боец – низенький полноватый негр сразу назвался Сергеем Павловичем. Он именно так и представился: не старшим сержантом имярек, не Серёжей, не Серым, а именно Сергеем Павловичем.

«С таким именем и прозвища никакого не нужно, – подумал я, тем не менее взглянул на строчку «Псевдоним». Коротко и ёмко – «Псих».

– На войне имена не приняты, – заметил Сергей Павлович, проследив направление моего взгляда.

– Из-за чего такое имячко?

– Да так, в моей биографии были некоторые тонкости...

Составители личного дела охарактеризовали эти тонкости фразой «Буен и не сдержан при ведении боевых действий».

Мне сразу стало интересно, что этот парень тут делает. В учебке лучше не нашлось? Или засланный казачок?

– Если хотя бы комара прихлопнешь без моего ведома – вылетишь отсюда быстрее, чем кошка с собачьей выставки.

Тот пожал плечами и ничего не ответил.

Пришлось отметить, что с этим чёрным красавцем, похоже, будут проблемы. Быстрей бы его отправить дальше, в Одессу – пусть у тамошних голова болит.

Третий оказался китайцем. Самым классическим – маленьким, жёлтым, узкоглазым и очень-очень приветливым.

– Меня зовут Ши Ху, – не дожидаясь вопросов сообщил он.

– Что умеешь делать?

– В компьютерах немножко разбираюсь.

По поводу «немножко» – это было откровенное кокетство. Если верить агиографу его учебки, Ши Ху был лучшим компьютерщиком европейского северо-запада.

– Псевдоним – «Хакер»?

– Так точно.

Последний парень доложил, что он из Латинии. Я скривил губы в улыбке: кто бы сомневался; слишком уж смуглый для здешних северных районов. И сложение у него... такое... внушает почтение. Ходячая гора мышц. С таким лучше не ссориться.

– Меня. Зовут. Фердинанд. – Говорил латинец медленно и весомо, слова падали в сознание словно гири в песок.

– Спортом занимался? – Поинтересовался я, вспоминая личное дело. Вроде ничего такого там не было.

– Нет. Пытался. Но не получилось. Я одного боксёра-тяжеловеса уделал. С первого удара. И меня дисквалифицировали. В общем, не получилось как-то...

Оператор, сидящий за ближайшим пультом, уважительно оглянулся на новичка: остальные бойцы на его фоне выглядели недокормленными подростками.

Именно такие ребята – загорелые, мускулистые, пышущие здоровьем – здесь, на Лимносе, не задерживаются. Приезжают сюда на словно на курорт, стажируются неделю-другую – и уезжают дальше, в столицу, где кипит жизнь. Тут же, в провинции, остаются бледные взъерошенные пацаны, которые только и умеют что сидеть за пультами наблюдения и нажимать сигналы тревоги, если вдруг что-то начинает идти не так.

– Ребята, на всякий случай предупреждаю: во время несения службы пользоваться личными мобильниками и персональниками запрещено. Так что, если у кого-то перечисленная аппаратура с собой, сдайте мне, а вечером, после окончания дежурства, получите обратно.

Дипломат сдал мне мобильник, хакер-китаец – персональник и наладонник, Сергей Павлович долго мялся, наконец бросил на стол старенькую модель мобильника.

Мы прошли в глубину дежурки. Тут царил форменный бардак. Всюду в несколько рядов стояли пластиковые ящики, в которых нынешняя смена ремонтников привезла новую партию аппаратуры.

«Меня бы спросили, что ли!», – с раздражением подумал я. Пара скамеек, стоявших здесь ещё вчерашним вечером, куда-то исчезла.

Мы расположились на ящиках вокруг системного терминала, внешне похожим на журнальный столик. Вместо столешницы, уходя в пол толстой ножкой-опорой, сочно гудел ящик разводки оптических каналов.

(Вообще-то нейтронная техника нынешнего века работает бесшумно – всё-таки это не радиоприёмники первого поколения с их трансформаторами и электронными лампами. Но через это крохотное устройство за долю секунды проходит такое количество терабайт, что не гудеть он не может – это будет против всех законов физики)

Почувствовав на себе внимательный взгляд четырёх пар глаз, я слегка поёжился. Не люблю быть в центре внимания.

– Так, ребята. По быстрому введу вас в курс дела. И сразу начнём работать.

Новички соорудили заинтересованные мины, Дипломат несколько нарочито с энтузиазмом потёр руки.

«Выслуживается за свой недавний „косяк“? Строит из себя мальчика-паиньку?»

– У нас идёт плановое техническое обслуживание систем безопасности. И очень не вовремя на несколько дней на Лимносе появилась Полина Германовна. Вдобавок к этому скоро прибудет Сенатор. Нам своими силами необходимо обеспечить безопасность их пребывания на острове.

– На сколько времени приехали техники? – Деловито поинтересовался Фердинанд.

– Дня три-четыре.

– Сколько нас? – Продолжал расспросы латинец.

– Это находится вне твоей компетенции.

– Согласен, – вмешался в разговор Дипломат. – Мы только прибыли. Но имеем право знать, на что вообще можно рассчитывать.

– Рассчитывайте, что в ближайшие три дня придётся крутиться. Белками в колесе, а то и быстрее. У нас форс-мажор. – Я подумал минуту. – Ладно, договоримся так. Одних я вас пока оставить нигде не могу – у здешних бойцов своих проблем достаточно. Будете постоянно со мной. И по ходу дела сами во всём разберётесь.

Мобильники коротко пискнули, отмечая наступление нового часа. Шестнадцать часов. Чуть задержавшись робко пискнул мобильник китайца. Его часы, похоже, опаздывали.

– Впрочем, кое что объясню прямо здесь, на месте. Слушайте и запоминайте, второй раз повторять не буду. Итак, общий курс здешней географии. Сейчас мы находимся в кабинете дежурной смены, – тихо заговорил я. (Доподлинно знаю, чем тише говоришь, тем внимательнее слушают) – Сюда стекается информация о всём, что происходит на территории дома, усадьбы, а также на всём острове, включая прибрежные морские участки...

Я вещал, невзирая на недавно обозначенный цейтнот, неторопливо, не особенно задумываясь над произносимым. За многие годы работы мои лекции отточились до единой буквы, до мельчайшей интонации.

– Взгляните на первый коммутатор. Там четыре ряда мониторов, но сейчас нам видно только три – один ряд мониторов скрыт. Первые три ряда позволяют подключаться к камерам наблюдения в комнатах общего пользования, служебных помещениях и коридорах. Камеры четвёртого уровня ведут постоянное видеонаблюдение внутри помещений жилого уровня.

– Почему этот уровень скрытый? – Спросил Дипломат.

Я усмехнулся. Именно в этом месте моего монолога каждый год находился бойкий боец, который задавал такой вопрос.

– Потому что людям, тем более тем, кто здесь живёт, необязательно знать, что мы имеем возможность наблюдать за ними внутри их личного пространства.

– Вы имеете в виду, что Сенатор об этом не знает? – Удивился Сергей Павлович.

– Сенатор – знает. Но одно дело – знать, другое – каждый раз, заходя в нашу дежурку, видеть внутренности своей спальни. Это, верите ли, слегка нервирует.

Произошло лёгкое оживление. Я понизил тон на десяток градусов:

– И учтите, что без острой необходимости включать этот уровень не рекомендуется.

– «Не рекомендуется» – в смысле «запрещено»? – Снова «высунулся» Дипломат.

– Верно.

Я тщательно описал все три уровня камер, мельком – четвёртый, потом перешёл к мониторам биологических объектов, к инфракрасным датчикам, к прочим техническим изыскам, которые применялись в системе охраны только потому относились к новейшим разработкам.

Именно в этом месте я начал «путаться в показаниях»: в качестве примеров указывал на бездействующие механизмы и тут же прерывал плавный ход лекции, поясняя, как именно они должны работать. В теории я не силен, и, находясь я перед институтскими преподавателями, а не перед новобранцами, моё душевное и физическое состояние можно было описать одним коротеньким глаголом из студенческого жаргона: «плавать».

В конце своего обзорного монолога я указал на монументальное сооружение в центре дежурки – огромный стол, над которым колебались зыбкие прозрачные контуры резиденции.

– Последнее, на что я хотел бы обратить ваше внимание, это трёхмерная модель нашего здания. Сканирование проходит в режиме реального времени с двенадцати вышек. Стенки модели сделаны полупрозрачными для того, чтобы можно было отслеживать перемещения биологических объектов. Человеческие существа на этой трёхмерной схеме обозначаются зелёными точками, прочие – жёлтыми.

Молодые охранники, сразу ставшие похожими на школьников, галдя, столпились вокруг модели.

– Почему в этой комнате так много зелёных точек? – Спросил негр.

Китаец ответил:

– Это мы. Во, гляди, я сейчас чуть-чуть отойду в сторону, видись, точка переместилась?

Тут же сумели отыскать и идентифицировать поваров, уборщиков, нашли даже садовника, который сидел в подсобном помещении и починял какой-то механизм (это удалось разглядеть на видеокамере).

– Тридцать шесть человек, – подвёл итог Дипломат.

– Причём большая часть из них – обслуживающий персонал, – заметил Фердинанд.

– Семнадцать, – с жутким китайским акцентом возразил Саня, – И пятело нас. На охрану остаётся четырнадцать человек.

– Трое в этом помещении, – кивнул Дипломат на операторов. – Значит, на всё остальное – одиннадцать лиц. Маловато для охраны.

– Вполне возможно, остальные где-то на территории, – предположил негр.

– Я вам не мешаю? – Осведомился я, слегка раздражённый правильностью подсчётов.

Повисла неловкая пауза.

– Если хотите продемонстрировать свой интеллект, выберете для этого другое место и время.

– Что, не любите умных? – Усмехнулся негр.

– Я не люблю выскочек.

– А кого вы любите? – Полез в бутылку Фердинанд.

Я уже открыл было рот, чтобы достойно ответить, но тут Дипломат вовремя продемонстрировал свои способности и разрядил обстановку.

– А это что за зоопарк? – Немного деланно удивился он, показывая на незамеченный ранее дальний угол виртуальной схемы, где в окружении множества жёлтых точек виднелась одна зелёная.

– Это Полина Германовна в своей комнате, – пояснил я.

Кто-то присвистнул:

– Ничего себе комнатка! Космопорт!

– Плюс один человек, – невозмутимо отметил Дипломат.

– А сто рядом с ней? – Поинтересовался китаец, щуря и без того узкие глаза.

– Аквариум с рыбками. И черепашка. Вроде бы ещё какие-то твари... Всех вкуче – двадцать семь экземпляров. Хотя, живность иногда дохнет, иногда размножается, её количество особенного значения не имеет. Главное, чтобы с хозяйкой ничего не случилось. – Я помолчал и добавил, не сумев сдержать вздоха. – Особенно в ближайшие три дня.

Глава 5. Борис Емельянович

Именно в этот момент Полина Германовна решила прогуляться по апартаментам. Зелёная точка неторопливо проплыла к крохотному проёму двери и стала медленно продвигаться по переплетениям коридоров в сторону выхода.

– Пойдёмте! – Чуть живее, чем того требовали обстоятельства, встрепенулся я. – Нужно встретить. Заодно и познакомитесь с ней чуть ближе, чем по визору.

Бойцы гурьбой последовали за мной. Мы прошли по длинному гофрированному коридору, на перекрёстке свернули направо, поднялись вверх по коротенькой лестнице, с некоторым трудом друг за другом, протиснулись через узкую деревянную дверь и очутились в крохотной комнатке.

Как многосотметровый айсберг высовывается из-под воды крохотной едва заметной макушкой, так и зал дежурной смены вкупе со всеми подземными кабинетами, комнатами, переходами и коммуникациями выходит на поверхность миниатюрной – два на два метра – комнаткой. На выцветшем от солнца дощатом полу лежит пыльный половичок. Вся мебель ограничивается лишь шкафом, парой стульев и шатким столом. На облупленном подоконнике скучает толстенький кактус.

Дремавший перед большим стеклом охранник вскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Выйди пока, – буркнул я.

Тот, не задавая лишних вопросов, выскользнул на улицу.

Я уселся на стул, схватил кружку с кофе и, едва успев сделать большой глоток, как в коридоре за окном аквариума появилась Полина Германовна. Я неторопливо выключил силовые поля стекла.

– Дядь Боря. . ., – дочка Сенатора осеклась и с удивлением оглядела четырёх охранников, которые плотной стеной стояли за моей спиной.

Мои брови поднялись вверх.

– Я на пляж сбегая? На тридцать-сорок минут. Может поплаваю неподалёку от берега. Если задержусь – позвоню.

– Давай, топай.

Девочка не уходила, продолжая разглядывать внутренности помещения.

– Не понимаю, как вам тут вчетвером не тесно, – наконец задумчиво протянула она. – Вы что, весь день так и стоите? Вам же даже сесть негде!

– Работа у нас такая, Полина Германовна, – охотно сообщил я. – Вот, торчим тут как дубы, прячемся от террористов. А то, если будем шляться по острову где попало, можем и по голове отхватить. А этого, если честно, не хотелось бы.

Девочка невозмутимо пожала плечами:

– Вы бы хоть кактус убрали, что ли, всё просторнее будет!

Не дожидаясь ответа, она последовала дальше.

Бойцы молча смотрели на меня, слегка ошарашенные происходящим.

– Вы вели себя так, – наконец сформулировал вопрос Дипломат, – будто Полина Германовна не знает, что там, за дверью, – кивнул он назад.

– Верно, – довольный произведённым эффектом кивнул я. – Для неё и для её малолетних гостей наша дежурка – это засиженный мухами аквариум – и ничего больше. Про нижний уровень она понятия не имеет.

– А Сенатор?

– Герман Геннадьевич, само собой, знает всё, но особо в нашу работу не вмешивается. В отличии от своей дочери, он понимает, что это для его же блага.

– Вы в самом деле считаете, – хмыкнул негр Сергей Павлович, – что Полина Германовна не в курсе, что там – внизу? Она тут всё-таки десять лет живёт.

– Она живёт в Одессе, – поправил его я, – а сюда приезжает только на каникулы. И то не всегда. Плюс к этому, она не очень любопытна. Сидит у себя в комнате или загорает на пляже. Изредка гуляет по территории.

– Такое вообще бывает? – Снова усомнился чернокожий охранник. – Ни разу не видел не любопытного ребёнка.

– Она не ребёнок, а супер. А это немножко другое, можете мне поверить. У нас, если вы не в курсе, великолепные отношения – Полина Германовна не лезет в наши дела, а мы делаем вид, что не лезем в её – и пока всё обходится без происшествий...

Только потом мне стало ясно, что я зря брякнул про происшествия. Есть такое выражение – «накаркать беду».

После мощной словесной стимуляции инженеры сумели наладить охрану внешних стен резиденции.

– Ну-у, будет работать. Пока, – с некоторым сомнением в голосе сообщил старший программист, – худенький маленький мужичок, похожий на крысу. Даже усы у него были мышьи – реденькие и длинные. Да и одет он был словно разнорабочий – в потёртый джинсовый комбинезон прямо на голое тело, и жутко-стоптанные кеды. Когда он появился в моём кабинете, я долго не мог поверить, что этот парень – и есть начальник всех здешних ремонтников. Он был больше похож на лицо без определённого места жительства.

– Что значит – пока?! – вскипел я. Дневные неурядицы сделали меня взрывным, словно пересушенный порох.

– Базовые функции я включил, – степенно пояснил ремонтник, невозмутимо почёсывая безволосую загорелую грудь, – до завтрашнего обеда. Вход-выход любого объекта на охраняемую территорию можно будет зафиксировать. А потом, извините, мы вас снова выключим – на Сеть нужно одеть новую программную оболочку.

– А через пару дней это нельзя сделать?

– Мы ещё дней пять эту оболочку будем настраивать и доводить до ума.

Мне почему-то показалось, что программист откровенно издевается. Скрипнув зубами, я крупными шагами вышел из комнаты.

Ребята последовали за мной.

На разношёрстную компанию, которая бродила по территории сначала поглядывали с интересом, потом – с юмором, а ближе к вечеру стали встречать наше появление выразительно поднятыми бровями. Действительно, странный способ стажировки новичков – тупо таскать их за собой.

Я несколько раз обошёл все наружные посты острова, снова заглянул на технический уровень; через мощную оптику обследовал пляж, на котором вот уже второй час, забыв о предполагаемых тридцати-сорока минутах, загорала Полина Германовна. В отношении времени она никогда не была особенно аккуратной. В полусотне метров от неё за раскидистой пальмой ремонтники в ярко-оранжевых костюмах, вшестером, сидя на корточках, копались в каком-то торчащем из песка устройстве.

– Если я хоть что-то в этой жизни понимаю, – вполголоса пробормотал Дипломат, – когда Полина Германовна увидит этих ребят, будет ещё один скандал.

– Ещё какой, – поддакнул я.

Весь день я приглядывался к новым бойцам, и они всё больше мне нравились. Особенно Дипломат, который, судя по всему, в этой стае был главным. А самое интересное, как я понял, ребята служили в разных местах и впервые встретились несколько часов назад. Когда это он успел втереться к ним в доверие?

Мы вернулись в резиденцию.

Хлопнув рукой по замку входной двери, я с беспокойством ощутил, что та открылась не сразу. Задержка составил какие-то доли секунды – но это уже давало повод для опасений.

В моём кабинете сидел главный программист. Он расположился словно у себя дома – уже успел выпить полстакана кофе и съесть пару приготовленных пищевым синтезатором бутербродов. Увидев начальство, суетливо вскочил с места: похоже, был уверен, что я брожу с новичками по острову и не ожидал, что мы появимся так быстро.

– Ну, что там?

– Через шесть дней всё будет готово.

– Ты ждал меня, чтобы доложить об этом?

– Не только. Мне нужна санкция на общее выключение системы охраны.

Я застыл, глядя куда-то в стол, потом резко поднял голову:

– Ты совсем рехнулся?

– У нас возникли некоторые проблемы, – забормотал программист. – Перебои с Сетью. Кое-какие механизмы, зависящие от Графонета, работают не совсем стабильно. Мы сможем разобраться, что случилось, только если перезагрузим всю операционку... Пары часов будет достаточно...

Есть такая старая шутка: бегущий вприпрыжку начальник штаба в мирное время вызывает смех, в военное – панику. Сейчас сложилась именно такая ситуация. Чтобы типчик, подобный главному программисту начал оправдываться, должно было случиться что-то совсем уже серьёзное.

Уже не контролируя себя, я грузно опустился на первый подвернувшийся стул.

– Конкретнее!

– Ничего не работает!

– В смысле?

– Совсем ничего! Даже мобильники.

Не веря услышанному, я поднёс к губам руку с браслетом, что-то бормотнул. Хорошо, что, я не видел своё лицо со стороны.

– Твои ребята начудили?! – Взревел я, вскакивая.

Программист, готовый к любой нестандартной реакции собеседника, бодро отпрыгнул в сторону:

– Мы тут не при чём! Мы глобальную операционку не трогали – только перезагружали локальные системные оболочки!

– За придурка меня держишь?! Столько лет всё работало, пока вы не появились – и тут же Графонет вырубился! Как вы это сделали, уроды?!

– Борис Емельянович, успокойтесь, мы за пару часов всё починим. Только разрешите пока всё выключить...

Гляди-ка, даже отчество моё вспомнил, когда приспичило.

– Какого хрена спрашиваешь, если всё равно ничего не работает!! Давай, вырубай!

Программист пулей выскочил за дверь. От её вибрации силовое поле стекла загудело на такой высокой ноте, что заложило уши.

Новички стояли в углу кабинета и напоминали стайку испуганных школьников.

Забывшись, я вскинул правую руку, ошалевшим взглядом уставился на браслет мобильного, потом выругался.

Ко мне подскочил Дипломат:

– Что-то нужно?

– Хватай Иванову за шкуру и тащи её в её комнату. Сядешь там под дверь – и что бы ни одна муха внутрь не влетела. Стоп! Отставить! Я сам! Сидите тут и не высовывайтесь!

Я выскочил из кабинета, едва не врезавшись силовое поле. Дверь за моей спиной медленно приобрела нормальную консистенцию.

Дорога до пляжа заняла минут пять. Давненько я так не бегал, если честно.

Вскоре, с трудом переводя дыхание и тяжело печатая в песке шаги, я подошёл к лежащей на пёстром матрасе Полине, некоторое время, скрывая невольную усмешку, любовался загорелой тоненькой фигуркой, потом тактично кашлянул.

Девочка даже не открыла глаз.

– Чего тебе? – Лениво протянула она, чуть отодвигаясь в сторону от возникшей тени.

– Ты на которое время у меня позагорать отпрашивалась? – В моём голосе прозвучали металлические нотки. Я точно знал, на какой тон дочка Сенатора отреагирует с нужной мне степенью адекватности.

– Не помню.

– На сорок минут.

– Что – они уже прошли?

– Ты уже почти три часа тут лежишь.

– Ну и что? Ты же видишь – солнце ещё высоко. И погода хорошая. Не мешай, а?

– Полина Германовна, вынужден попросить Вас вернуться в свою комнату, – я перешёл на официальный тон.

Девочка сразу это почувствовала и вскочила с места:

– Что, папа уже приехал?!

– Мне об этом ничего не известно.

Её лицо омрачилось.

– Тогда чего ты здесь делаешь? – Она снова, закинув руки за голову, мягко опустилась на матрас.

Я снова попытался решить проблему мирными средствами:

– Полина, пойдём, пожалуйста, отсюда.

– Что случилось?

– У нас дыра в безопасности. Пойдём домой!

– Хоть что-то у нас в безопасности, – не смогла не съязвить своенравная девчонка. Она такая – за словом в карман не полезет.

– У нас пробой в системе охраны, – сконкретизировал я. – Мне нужно, чтобы ты находилась на территории резиденции. Только в этом случае я смогу обеспечить твою полную безопасность.

– Мне не нужна охрана.

Я тяжело вздохнул:

– Полина Германовна, у меня есть полномочия завернуть тебя в эту накидку и на своём горбу дотащить до нужного места. Сомневаюсь, что хоть кому-то от этого будет лучше.

Она, поднимаясь со своего места, вздохнула ещё тяжелее:

– Дядь Борь, ты – жуткий зануда. Тебе об этом никто не говорил?

– Ты. – Усмехнулся я. – И говоришь каждый раз, когда я тебя о чём-нибудь прошу.

Девочка забросила за спину полотенце. Они пошли по пляжу.

– Так ты же никогда ни о чём нормальном не попросишь, – посетовала девочка. – Нет, чтобы сказать, съешь пару бананчиков или, там, купи себе какую-нибудь симпатичную мелочь из бижутерии – всегда какой-нибудь ереси непонятной требуешь. Вот, как сейчас... Так что у нас там где пробило?

– У нас плановое техобслуживание идёт. Ремонтники чего-то накуролесили – и Графонет отказал.

– Что – весь?!

– Весь. Даже мобильники – и те не работают.

– Ого! – Непритворно изумилась Полина Германовна. – Это откуда же у них руки должны расти, чтобы Сеть испортить? Даже если из того места, на котором обычно сидят – как они трансляционный спутник умудрились угробить, сидя тут, на Земле?!

– При чём тут спутник, – поморщился я, едва успевая за прыткой дочерью Сенатора. – У нас в системной оболочке что-то отказало.

– Тёмный ты человек, Борис Евдокимович. Сигналы на нашу аппаратуру приходят напрямую из космоса. Что бы тут, на острове, ни сломалось, вся Сеть из-за этого отказаться не может. Так, кстати, и объясни тем мужикам, что с чемоданчиками по всему острову бегают. Куда не пойдут – всюду они. Достали уже!

Не первый год знакомый с Полиной, я прекрасно знал, на какие кнопки надавить, чтобы получить желаемый результат. В данный конкретный момент я хотел прекратить эту ненужную, с моей точки зрения, беседу.

– Отцов не выбирают.

Полина насупилась и замолчала. Действительно, в жизни дочери самого высокопоставленного человека Земли существует столько же минусов, сколько и плюсов (если не больше). И за то, что отец – сам Сенатор, неминуемо нужно расплачиваться.

Оказавшись в резиденции Полина тут же заперлась у себя в комнате, буркнув напоследок, что тут все злые и зачем, спрашивается, она вообще сюда приезжала, могла бы с отцом в Одессе встретиться, в столице по любому такого бардака нет.

Графонет – вещь всеобъемлющая. Раньше Сетью пользовались только для того, чтобы побродить по каким-нибудь сайтам или скачать порцию нужной информации. Эти времена давным-давно канули в лету. Теперь именно от Графонета зависит функционирование любого, даже самого крохотного механизма в системе жизнеобеспечения любой промышленной или жилой инфраструктуры. От корректной работы Сети зависит всё: начиная от работы сливного бачка в уличном туалете и заканчивая генераторами гравитационного поля в пассажирских гравусах.

И Полина Германовна в чём-то оказалась права: весь Графонет отказаться не может. Хотя, он и не отказал: кое-что работает, кое-что не работает... Единственное, что вырубилось сразу и полностью – это связь, что наводит на нехорошие подозрения. Не нужно быть гениальным военным стратегом чтобы понять, что захват любого большого объекта начинается именно с выключения связи: сначала – с внешним миром, потом – внутренних каналов. Именно это и случилось.

Глава 6. Борис Емельянович

Полный самых мрачных раздумий, я вернулся в свой кабинет и застал там ребят-новичков, про которых напрочь успел забыть.

– Встали! Руки за голову!

Те со странным юмором переглянулись, но приказание исполнили. Я наскоро охлопал их карманы. Само собой, ничего опаснее зубочистки там не обнаружилось.

– Я вас пока ещё ни в чём не обвиняю, – успокоительно сообщил я, доставая из нагрудного кармана массивные металлические перстни, – даже почти уверен, что эти предосторожности излишни, но какое-то время вам всё-таки придётся провести в наручниках.

Дипломат, криво ухмыляясь, протянул указательный палец.

– Не обижайся, Коля. Работа у нас такая. Сегодня – я тебя арканю, через пару лет, глядишь, ты меня на верёвочке куда-нибудь поведёшь.

– Я и не обижаюсь. Мы вычислили, что вы так поступите, ещё с четверть часа назад. Ваше поведение на редкость предсказуемо.

Я спокойно кивнул, всем своим видом показывая, что именно этих слов и ожидал.

– Хорошенькое начало, – в свою очередь сообщил Фердинанд и со всех сил хлопнул в ладоши – его наручники сработали первыми. Тут же включились остальные механизмы. Послышались ещё три хлопка.

– Бурные аплодисменты всего зала, – иронически прокомментировал Дипломат.

– Переходящие в овацию, – поддакнул Сергей Павлович. Перстень едва налез на его мизинец, отчего ладони соединились не совсем ровно. Негр болезненно морщился.

– Если наручники надеваются не на указательный палец, а на любой другой, то направление силовых полей нужно определённым образом изменить, – не преминул педантично сообщить Дипломат.

Я промолчал. Интеллект новичка начал меня раздражать.

Сейчас было бы самое время под микроскопом изучить личные дела этих новоявленных героев, но те, что уже здесь – изучены, а затребовать альтернативные нет никакой возможности – Сеть исчезла.

– Пойдёмте!

Ребята послушно поднялись со своих мест.

Я запер их в соседней пустой комнате, внимательно оглядел их мрачные физиономии, вышел и тщательно запер за собой дверь.

Хоть с этим разобрался. Пока. И то ладно.

И что теперь делать?

Обычный режим работы – напрочь сорван. При угрозе нападения на охраняемую зону начальнику службы безопасности в соответствии со служебной инструкцией предписывается постоянно находиться в комнате дежурной смены и руководить подчинёнными по каналам закрытой служебной связи. А в чём смысл сидеть под землёй, если ни подчинённых, ни самой связи в помине нет? Ещё хорошо, что камеры наблюдения и биодатчики объединены в локальную внутреннюю сеть; и с их помощью можно более-менее контролировать подступы к острову и частично – территорию самого острова и резиденции. Это всё-таки лучше, чем ничего. А если бы и они не работали?

Правильно говорят: не бывает так плохо, чтоб не было ещё хуже.

Хорошо ещё, что Периметр работает – он как кантовская вещь в себе не зависит вообще не от чего, даже если вся наша резиденция вкупе со всей аппаратурой будет уничтожена глобальной катастрофой – Периметр будет исправно сбивать все появляющиеся в его поле зрения объекты.

В комнате дежурной смены всё шло своим чередом – операторы сидели, уставившись на приборы и время от времени щёлкая переключателями каналов. Приторно пахло табаком; кто-то выкурил сигарету, хотя здесь это было строжайше запрещено.

Лицо главного программиста появлялось то на одном, то на другом мониторе. Звуча не было, но по жестам и по мимике было видно, что мужик жутко ругается. Он совсем не походил на человека, только что совершившего удачную диверсию. Или этот парень – гениальный актёр? Вряд ли.

Крупными шагами я принялся мерять миниатюрное помещение, с трудом преодолевая желание начать пинать попадающиеся под ногами провода

– Боря! – Сказал кто-то с ближнего монитора. Я сделал ещё пару шагов.

– Боря!

Я остановился и только тут понял, что обращаются ко мне. С экрана на меня весело глядел главный программист. Такого панибратства я не ожидал, тем более от малознакомого бригадира ремонтников. Программист словно почувствовал, что привлёк внимание, махнул рукой в сторону камеры и смачно почесал подбородок индикаторной отвёрткой.

– Ты Периметр включал? – Спросил он.

– Да, – совершенно ошарашенный кивнул я, краем сознания пытаясь сообразить, каким образом меня можно увидеть – на территории дежурки не стоит ни одной камеры.

– Я его выключил.

Экран показал какие-то настроечные таблицы и потух.

Один из персонажей Чехова все свои жизненные стремления и чаяния посвятил исполнению одной-единственной мечты: прикупить небольшую усадьбу и посадить на ней крыжовник. Всю жизнь он терпел всяческие лишения, отказывал себе во всём, наконец, и вот, ко времени выхода в отставку, сумел накопить необходимую сумму.

А теперь попытайтесь представить гипотетическую ситуацию, что наступило благословенное утро, когда наш персонаж наконец-то может воспользоваться плодами своего труда – в его саду созрели первые ягоды. Полный томительно-сладкого предвкушения, он выходит на крыльцо, и вдруг видит перед собой небритого крестьянского мужика в брезентовом сюртуке.

– Крыжовник вами посажен? – Спрашивает тот.

– Мною.

– Я кусты выкопал и сжёг, – говорит рабочий. – Думаю, так лучше в плане дизайна участка.

И невозмутимо удаляется.

Можно только предполагать, какой эффект эти слова произвели бы на персонаж Чехова; говорят, девятнадцатый век был куда мягче и галантнее последующих.

Я на какое-то время почувствовал себя в роли незадачливого хозяина и также не нашёлся с ответом: только открыл и закрыл рот.

Следующий эпизод действия произошёл минут через десять в камерке главного программиста, когда тот, низко склонившись над столом, сосредоточенно разглядывал сложное переплетение линий на виртуальной схеме компьютерных коммуникаций. Услышав звук закрывающейся двери, он поднял голову и замер, уставившись прямо в дуло короткого автомата.

Под прицелом ему приходилось бывать редко. Подчиняясь движению ствола и не отводя замороженного взгляда от места, откуда в любой момент могла вылететь пуля, ремонтник медленно распрямился. Увидев меня, он вытаращил глаза.

– Ты?!...

Я скривил угол рта в едва заметной усмешке.

– Тебя вроде Игорьком кличут? Так вот, сейчас ты пойдёшь к терминалу управления и заново включишь Периметр. А впоследствии, если ещё хоть один контакт разомкнёшь без

моего личного разрешения, свои мозги будешь со стен соскребать. Ясно? Тут тебе не детский сад. И не Одесса с сотней уровней защиты. Любой выключенный механизм – это брешь в обороне острова. Если я прямо сейчас тебя грохну – меня любой суд оправдает. Даже если и не оправдает – тебе уже будет всё равно. Чувствуешь в моих словах логику?

– Ты ствол... это... – главный инженер, не в силах отыскать необходимые слова в дебрях словарного запаса, показал на пол.

– Сначала нажми кнопку, а потом мы с тобой об этом поговорим. – Тем не менее, оружие я опустил.

Особенно не скрывая, что исполняю функции конвойного, я провёл программиста по резиденции напрямиком к терминалу управления. По пути нам никто не повстречался, чему мы оба оказались несказанно рады.

– Чего ещё? – Буркнул программист, исполнив соло на клавиатуре и в сложной последовательности соединив между собой десятков контактов.

– А ещё не забывай, что я тебе говорил и не нарывайся. Я сегодня почему-то особенно нервный.

Когда дверь за мной захлопнулась, мужчина сплюнул и грязно выругался. Про себя, судя по всему, он решил, что они тут все без исключения придурки и больше он из Одессы носа не высунет – там, хоть и без командировочных, зато никто автоматом под носом не размахивает.

Я только усмехнулся, глядя в экран наладонника – камера исправно протранслировала каждое слово.

События продолжали катиться по возрастающей.

Через четверть часа я собрал в комнате дежурной смены всех свободных от несения службы подчинённых. Их набралось почти два десятка.

– Вы двое, – кивнул я сержантам, – садитесь на гравы – и начинаете собирать людей. Список я вам дам. Если кто-то не согласится лететь сюда в нерабочее время – пусть сушат сухари, так и скажите. Когда закончите облёт – направляйтесь напрямиком в Одессу и сообщайте, что у нас Графонет отказал. Пусть посылают подмогу.

– Вы, – кивнул я следующей паре бойцов. – Берите другой грав. Лучше – два. Подстрахуйте друг друга. До Афин сорок минут лёта. Надеюсь, там Сеть работает. Свяжетесь с Одессой и вызовете команду быстрого реагирования. Скажете, у нас форс-мажор.

Ребята испарились.

– Ты, – кивнул я следующему бойцу, – отыщешь апартаменты Полины Германовны, сядешь где-нибудь поблизости и будешь наблюдать за дверью. Особенно не высовывайся, но, если с девчонкой что-нибудь случится – урюю. И не только тебя, но и весь твой род до седьмого колена.

– Так ведь она... это, там будет, – сбивчиво пояснил новоявленный телохранитель, – а я – за дверью...

– В её собственной комнате с ней ничего не случится – я об этом смогу позаботиться. Твоя задача – обеспечить внешнюю безопасность. Дежурство – два по два. Доклад – каждые полчаса. Сменщика пришлю сразу, как только появится возможность

Охранник коротко козырнул и ушёл.

– Вы, трое, – показал я подбородком на молодых охранников, стоявших чуть в стороне, – насколько я помню, неплохие технари. Найдёте главного программера – и ни на шаг от него не отходите. Будет ерепениться, скажете – я приказал охранять. На самом деле постарайтесь разобраться, как и что он делает. Будет что-нибудь мудрить – вяжите – и ко мне.

Затем повернулся к оставшимся:

– Садитесь за пульта. Периметр запущен, но это ещё ничего не значит – делите на квадраты территорию острова – и наблюдайте. Впрочем, не мне вас учить. Исполняйте.

Когда все разошлись, я уселся за основной пульт видеонаблюдения, поднял над столом четвёртый уровень мониторов и задумался, подперев подбородок сплетёнными пальцами рук. Насколько в данной конкретной ситуации оправдано включение камеры в комнате дочери Сенатора? Даже когда Полина была совсем малышкой, я старался не подглядывать, что творится в её комнате. Сейчас же, когда она почти подросток... Нет, пожалуй, этого делать не стоит. Даже осмотр кабинета Сенатора во время пребывания там главного персонажа не вызывает такого внутреннего протеста.

В течении следующего часа мне пришлось переделать множество дел: проверить все посты, переговорить с ребятами из обслуживающего персонала, совершить пеший осмотр территории. На ходу я пару раз включал мобильник – связи не было. Бурча под нос что-то совсем уже неприличное, вернулся обратно. Минут сорок потратил, чтобы на своём персональнике настроить локальную сеть и включить с неё видео со всех работающих камер. Только увидев в одном из кабинетов четыре понурых фигуры, смиренно сидящих на табуретах, вспомнил о новичках.

«Пусть ещё пару часов посидят, ничего не случится, – решил я. – И без них тошно».

Я не отказал себе в удовольствии посмотреть, чем ребята занимались за несколько минут до своего ареста. Это меня позабавило.

Как только моя спина исчезла в проёме двери, ребята дружно, как по команде, встрепенулись.

– Да уж! – Удивился латинец, глядя мне вслед.

– Провинция..., – глядя куда-то в сторону пожаловался Дипломат. – Даже нормально систему охраны наладить не могут.

– В Одессе такого нет, – поддакнул Саня.

– Ты-то откуда знаешь? – Вскинулся Фердинанд. – Может, там бардак ещё хуже, чем здесь.

– Ладно, кончай спорить, чего-то делать, наверное, нужно, – Дипломат прошёл взад-вперёд по кабинету, задержался взглядом на стоящем на столе компьютере, поколебавшись, нажал кнопку включения. Тот сразу потребовал пароль.

– Запустить масину? – Спросил из-за плеча китаец.

– А можешь?

– Заплосто!

– Не нужно. Всё равно Сети нет.

Фердинанд откашлялся.

– Не понимаю, как ещё Борька нас не повязал.

– Есть за что? – Заинтересовался негр.

– Будь он чуть помнительнее, мог бы додуматься до простой мысли, что ремонтники тут не при чём. Они каждый год сюда приезжают. А вот мы появились здесь первый раз.

– Типа, до нас в этой дыре ни одного стажёра не было, – бросил со своего места Дипломат. Низко склонившись над столом, он разглядывал какие-то бумаги.

– Ты бы не састал по кабинету, тут видеокамеры на каждом сагу.

– Заткнись, а? – Вдруг не выдержал Бокс. – Или говори без этого своего идиотского акцента. Иначе вмажу!

– Ладно, могу без акцента, – на чистом русском согласился китаец. – Но ты всё равно не шастай здесь. Чревато.

Все оstonбенили.

Первым опомнился Дипломат:

– Чего тогда кривляешься?

– Притворяться придурком – это иногда здорово помогает в жизни. Емельянович прочитал, что я лучший в Европе программист – и тут же забыл. Человека с восточным акцентом трудно принимать всерьёз.

– Тоже мне... психолог..., – пробурчал Дипломат. – Если Емельянович столько лет тянет лямку альфа-самца здешней конторы, сомневаюсь, что он сам не притворяется перед нами идиотом.

– Имеются какие-нибудь основания это предполагать? – Осведомился китаец.

– Здесь не может быть такой примитивной службы безопасности. Чтобы сам начальник сидел на вахте и лично бегал по пляжу за охраняемым объектом... Лично я в это не верю!

– А я верю! – Возразил Фердинанд. Он взъерошил короткие слегка курчавые волосы и послал в пространство белозубую улыбку, словно находился не среди сослуживцев, а в окружении загорелых симпатичных девушек. – Тут деревня, как вы ещё не поняли. Герман приезжает сюда на несколько дней в год. В чём смысл всякие технические навороты устанавливать?

– Да хоть на десять минут! – Отчеканил Дипломат. – Это происходит периодически, значит есть возможность подстроить диверсию. – Чему тебя только в школе учили!

Некоторое время все молчали.

– Потянутся сейчас, – вдруг продолжил Дипломат, – попомните моё слово.

– Нафига? – Коротко бросил китаец.

– На всякий пожарный. Дабы чего не случилось. Во избежание возможных неприятностей. Тут такое начинается – а за пару часов до этого появились мы, непонятно, кто, откуда, чего от нас ждать. Проще поставить на дальнюю полку и вытащить, когда всё успокоится.

Негр осклабился:

– Не знаю, как вы, а я из наручников за пару минут могу выбраться. Стандартные на мой указательный палец не одеваются, этим идиотам лень искать усиленные, они обычные на мизинец одевают, а мизинец, если вот так вот вытянуть..., – он изогнул палец самым странным образом, но, увидев, что на него никто не обращает внимания, сразу замолчал. Понял: всё, что он говорит – актуально только для него; больше никто не имеет таких размеров конечностей.

Я выключил запись. Если они и притворяются, то весьма успешно.

Вскоре моё внимание привлекло ещё одно помещение. В обширном зале длинными рядами стояли виртуальные кресла, стены матово блестели экранирующей обшивкой. По первоначальной задумке здесь могли проводиться сетевые конференции. Но с течением времени, в ряду прочей сетевой аппаратуры, которой периодически оборудовался дом, зал потерял своё значение и оказался законсервированным до лучших времён. Как я понял, эти времена наступили: почти два десятка человек – треть приехавших ремонтников – сидели в виртуальных креслах. Я долго разглядывал их, соображая, что они могут делать в виртуале в таком количестве. Кое-какие подозрения у меня уже появились, но пока я решил их не обнаруживать.

Время потянулось нестерпимо медленно. Каждые четверть часа появлялся очередной охранник, негласно дежуривший у двери Полины Германовны, и сообщал, что последняя безвылазно сидит у себя в комнате. Девочка не показала даже повару, спрашивающему о меню на ужин; прокричала из-за двери, что обойдётся своим пишевиком. Несколько раз приходил главный программист и, упорно глядя куда-то в сторону, сообщал, что Сеть пока ещё не настроена.

– Присаживайся, – кивнул я, когда тот в очередной раз протиснул в проём двери своё тщедушное тело.

Тот присел. Долго молчали.

– Дурак ты, Боря, – наконец, не выдержав долгого молчания, примирительно заметил программист. – Оружием размахиваешь, моих людей чуть было в Одессу не выслал... Тебе без ссоры со мной проблем мало?

– Я ссориться не буду. Не мой имидж. Дам по голове, а когда оклемаешься – тогда долго и нудно будем выяснять, кто что и кому должен.

Тот хмыкнул:

– Крутой ты, я вижу.

– Станешь тут крутым, – перекинувшись парой фраз с меланхоличным ремонтником, я сам сбавил обороты. – Оказался бы ты на моём месте... Ладно, к делу: можешь объяснить, что тут вообще происходит?

Главный программист степенно отрезал ломоть хлеба, протопал к пиццесинтезатору и принялся нажимать кнопки.

– Как я понимаю, тебя интересует возможность вероятной диверсии.

– Сам догадался или кто подсказал?

– Общение с Полиной Германовной не идёт тебе на пользу, – хмыкнул со своего места программист. – Ты ерепенишься, словно подросток. Лучше помолчи. Так вот: произошло нападение на Лимнос и сейчас оно вступило в завершающую фазу – в этом уже нет никаких сомнений.

– Вторжению подверглись наши компьютеры?

– Точно, – удивился техник.

– В виртуале?

– Ты-то откуда знаешь?

– Мы тут тоже не лаптем щи хлебаем. Набил весь конференц-зал своими бойцами – и удивляешься, откуда все всё знают.

Главный программист мрачно прожевал приготовленный бутерброд, потом с интересом осведомился:

– Я вижу, ты не особенно огорчён?

Я усмехнулся:

– Наши технологии пока ещё не дошли до того, чтобы из компьютера по комнатам начали расплзаться зелёные человечки. Мне хватает проблем в реальном мире. Связи нет – это, конечно, плохо; и эту проблему по мере возможностей я решаю. А всё остальное, что в компьютерах – разбирайся сам – мне недосуг.

– Хорошо, – ремонтник поднялся. – Разберусь. Мы почти всё восстановили. Но только учти, что этим дело не закончится.

– Само собой. Куча всяких канцелярии...

– Ты не понимаешь всей серьёзности ситуации. У нас очень мощные компьютеры. И Сеть защищена точно такими же ключами безопасности, как в Одессе.

– И что?

– Атака осуществляется слишком мощными силами. У меня сомнений не остаётся: в нападении участвует большое количество синхронизированных между собой суперкомпьютеров.

– А смысл?

– В этом-то и проблема. Сомневаюсь, что на здешних машинах есть информация, которая могла бы хоть как-нибудь окупить использование таких ресурсов.

– Может это подготовка к другой, более мощной атаке?

– Я тоже этого опасаюсь.

Мы помолчали. Я улыбнулся:

– Ладно, Игорь, удачи. Извини, что наорал. Сам виноват у меня сейчас восемьдесят процентов охраны – это Периметр, а ты его вырубил без всякого уведомления.

– Я понял.

– Работай.

– Да уж куда я денусь.

Около двери главный программист обернулся:

– Знаешь, Боря, а с автоматом наперевес ты выглядишь круто. Хоть фотографируй и на стену вешай.

Дробный стук его каблуков по полу напомнил дробное цоканье копыт молодого козлёнка. Я даже поморщился, прогоняя неожиданное сравнение. Какая только ерунда в голову иногда лезет!

Глава 7. Полина

Мы быстро шли, почти бежали в сторону папиной резиденции.

– У нас плановое техобслуживание, – на ходу объяснял дядя Боря. – Ремонтники чего-то накуролесили – и Графонет отказал.

Я даже остановилась, хотя папа учил меня, что одно из главных качеств культурного человека – умение держать себя в руках:

– Что – весь?!

– Весь! – Глядя куда-то в сторону, нехотя буркнул мой собеседник. – Даже мобильники – и те не работают.

– Ого! – Снова изумилась я. – Это откуда же у наших бойцов руки должны расти, чтобы они смогли Сеть испортить? Даже если из того места, на котором обычно сидят – как они трансляционный спутник умудрились угробить, сидя тут, на Земле?!

– Пойдём, пойдём! – Заторопил меня дядя Боря, не очень вежливо прерывая мои рассуждения. – При чём тут спутник! У нас в системной оболочке что-то отказало.

– Тёмный ты человек, Борис Евдокимович. Сигналы на нашу аппаратуру приходят напрямиком из космоса. Что бы тут, на острове, ни сломалось, вся Сеть из-за этого отказать не может. Так, кстати, и объясни тем мужикам, что с чемоданчиками по всему острову бегают. Куда не пойду – всюду они. Достали уже!

– Меня тоже! – Неожиданно признался начальник охраны.

Я с удивлением посмотрела на него. Раньше дядя Боря не откровенничал со мной. О чём он думает, как он относится к моему поведению, нравится ли ему или нет что-нибудь, – об этом я могла догадаться только по выражению его лица. Похоже, наш доблестный шеф службы безопасности немного... как бы это так помягче выразиться... не в своей тарелке.

Проходя мимо окна дежурки, я чуть задержалась, пытаюсь разглядеть, кто сидит внутри. Тщетно – стекло было включено на полную непроницаемость. Я не смогла отказать себе в удовольствии коротко дунуть на него – по поверхности силового поля разбежались волны красивых фиолетовых искр. Если кто-то наблюдал за мной с той стороны, готова поспорить на что угодно – отскочил в сторону словно ужаленный в нос суслик. Так ему и надо. Не будет пялиться не по делу. И ещё интересно, кто это был? Хорошо, если бы кто-нибудь из новичков.

Оказавшись у себя в комнате, я в первую очередь включила компьютер. Не знаю, что там случилось у дяди Бори и иже с ним – у меня Сеть работала, правда слегка подтормаживала. Это было видно даже на обычном двухмерном экране. Трёхмерный режим, если я хоть немного разбираюсь в технике, будет вообще жутко виснуть на каждом шагу. Раньше такого никогда не было. Похоже, в компьютерном мире и в самом деле происходит нечто нетривиальное.

Интересно, что именно?

Ладно, где наша не пропадала, сейчас попробую разобраться!

Я одела шлем, перчатки, натянула сапоги.

– Выход в виртуал!

Монотонный голос пробубнил привычные фразы:

– Запрос принят. Запрос обрабатывается. Запрос выполнен.

Пространство вокруг медленно, словно айсберг из тумана, возникало из небытия. Я поправила виртуальный шлем. Перед глазами вспыхнула шестиугольная звезда, а в ушах прожурчали слова стандартного приветствия:

– Графонет приветствует вас!

– И тебе – здравствуй! – Не могу отвыкнуть разговаривать с компьютером словно с живым существом, хотя точно знаю, что это набор микросхем. Глупо, правда?

Впрочем, некоторые по жизни поступают куда глупее и даже не дают себе труд в этом признаваться.

Серый туман растворился, окружающее пространство приобрело резкость форм и очертаний, вскоре я оказалась стоящей в центре довольно обширного помещения.

Уф, вот я и дома – можно расслабиться.

По поводу дома – это я, конечно, слегка перегнула. Слегка – но не полностью. Как можно назвать то место, в котором проводишь три четверти своей жизни? И даром, что это место находится не в физическом мире, а внутри компьютера, в переплетении микросхем и деталей.

Я побродила из угла в угол по платформе. У меня она довольно большая, раза в полтора крупнее обычных. Этот компьютер папа купил мне на мой день рождения, когда мне исполнилось пять. С тех пор я обустроиваю виртуальное жилище в соответствии со своими вкусами и возможностями.

Что касается вкуса – я никогда не любила излишеств в чём бы то ни было, включая еду и одежду, поэтому обстановка в моём виртуальном жилище самая спартанская. Стол, стул, пара кресел для гостей, шкаф для виртуальной одежды и оболочек, ещё кое-какие технические мелочи... В общем, ничего особенного – но – что главное, – всё это располагается на доброй полусотне квадратных метров. Со стороны это выглядит так, словно для того, чтобы разместить трёхтомное собрание сочинений я арендовала громадную городскую библиотеку.

В самом начале, когда я была совсем маленькой, я, конечно, не избежала греха накопительства всяких необходимых, как мне тогда казалось, вещей и всяких технических новинок; папа никогда не ограничивал меня в средствах. Постепенно моя платформа стала напоминать не очень ухоженную антикварную лавку; поддерживать даже элементарный порядок на очень большом пространстве и среди громадного количества предметов было довольно сложно. Вскоре мне самой это надоело – я повыкидывала лишние вещи, а среди оставшихся поддерживаю постоянный порядок. Папа любит говорить, что по порядку в комнате человека, а особенно на его столе, можно судить о степени бардака в его голове.

Когда же я уезжала в школу, то навела не только в реальном, но и в электронном мире относительный порядок – уничтожила кучу всяких ненужных данных, раздарила множество вещей, разкомпилировала скрипты – простенькие, но зато созданные лично мной, чем я заслуженно гордилась... В общем, стёрла всю свою прошлую жизнь настолько, насколько это было возможно.

После этой генеральной уборки моя до некоторых пор довольно уютная платформа стала напоминать квартиру перед капитальным ремонтом: на голых обоях – светлые пятна от ковров и картин, на полу – обрывки бумаг и какие-то провода, пульт управления платформой, чем-то похожий на кресло водителя гравуса, аккуратно накрыт целлофаном.

Теперь, обзревая всю эту мерзость запустения, я пришла в некоторое уныние.

Особенно в Графонете делать нечего. Баймить не хочется – лень, да и так все баймы исхожены из конца в конец. Разве что в «Джунгли» заглянуть, узнать, как там справляются без меня? Заодно и работу Сети проверю; как-то не верится, что целый Графонет не работает – ну, не может такого быть, и всё тут, и никто меня не переубедит в противоположном.

У человека множество условных рефлексов. Безусловных – штук пять, может чуть больше, точно не помню – сосательный, хватательный, какие-то там ещё, в общем, не суть важно. В общем, их не так много. Но вот большая часть его жизни состоит из условных рефлексов. Не важно, как их называть: привычки, навыки, мораль, темперамент – рефлекс, они и в Антарктиде рефлекс.

У пользователей Графонета основной безусловный рефлекс – рефлекс проверки почты – настолько привычен, что, только очутившись на платформе, любой человек тут же забирается в почтовый ящик – а потом не может вспомнить, что чего-то делал.

Несмотря на то, что все подписки были отменены, в почтовом отсеке накопилось столько писем, что, рассеянно потянув на себя ручку двери, я даже отшатнулась – груда конвертов высыпалась под ноги.

Присев на корточки, я наскоро пересмотрела корреспонденцию. На первый взгляд – ничего интересного: рекламные буклеты, новостные рассылки, нашлась даже пара приглашений на какие-то подозрительные сетевые мероприятия.

Среди всего этого я отыскала и сразу отложила в сторону три тоненьких пакетика, помеченных на оборотной стороне буквой «W». Это – персональная рассылка Валькирии. Маркировка от искомого адресата проставляется автоматически, как только письмо попадает на мою платформу.

На первом конверте кроме штампа не оказалось никаких опознавательных признаков. Интересненько, однако.

Второй порадовал глаз надписью: «Войны нового времени», заголовок третьего был ещё более занимателен – «Скачки на мёртвой лошади». Интриговать своих потенциальных читателей Валькирия всегда умела – этого у неё не отнимешь.

Я сгребла оставшуюся почту в одну неаккуратную кучу и запустила опцию уничтожения. Виртуальная бумага начала деформироваться и обугливаться, словно попавшая в камин настоящая, в реальном мире, разве что никакого запаха при этом не ощущалось, да и оставшееся на месте экзекуции пятно сажи тут же растаяло.

Я уселась в первое попавшееся кресло и принялась перебирать конверты. Меня сразу же заинтересовал пустой – раньше подобных сюрпризов Валькирия не устраивала, на всех её статьях стояло как минимум название.

Что бы это значило?

Никогда не страдала от отсутствия любопытства. Скажу больше: большинство проблем у меня появляется только из-за того, что я люблю совать нос в дела, которые не только я считаю своими.

Но сейчас я о другом.

Особенно не раздумывая, я распотрошила конверт без подписи. Пара абзацев текста, напечатанная мелким шрифтом в середине большого листа формата А4, выглядела сиротливо и жалко, словно крохотная будочка биотуалета посреди бескрайней степи.

«28 августа 2598 года на побережье Панамаского перешейка погибла известная сетевая журналистка М. С. Митникова, известная широкой общественности под творческим псевдонимом Валькирия. Яхта «Антрацит», на борту которой находилась погибшая, совершала круиз вдоль побережья Южной Латинии. На борту находились восемь человек, в том числе Том Аркинс – капитан судна.

Последний раз М. С. Митникову видели поздно вечером 27 августа. Женщина сообщила, что ночь собирается провести в шезлонге на палубе – погода этому благоприятствует. Ночью поднялось волнение. Ближе к утру в яхту попало несколько сильных бортовых волн и корабль с большим трудом удалось удержать на плаву. Том Аркинс сообщил, что был абсолютно уверен, что Митникова ушла спать к себе в каюту. Отсутствие женщины обнаружилось в десять часов утра, в начале завтрака. Её поиски ни к чему не привели.

Штормовая погода пока препятствует обнаружению тела.»

Я несколько раз перечитала некролог, прежде чем до меня дошёл смысл написанного.

Валькирия погибла? В самом деле? Она ведь ещё такая молодая! Или это чья-то шутка? Ничего себе шуточка!

Меня словно подбросила какая-то невидимая сила. Не прошло и минуты, я уже сидела за пультом управления платформой и лихорадочно набирала на клавиатуре поисковый запросы. Перед глазами вспыхнул монитор.

«28 августа 2598 года на побережье Панамского перешейка погибла известная сетевая журналистка...»

«28 августа 2598 года на побережье Панамского перешейка...»

«28 августа 2598 года...»

Я ожидала чего угодно, но только не этого: на всех новостных сайтах, во всех возможных статьях был дословно скопирован некролог, прочитанный мной пару минут назад в рассылке. И больше – ничего. Вообще – ничего. Ни единого словечка редакционных комментариев, ни единого фактика из жизни погибшей сверх тех, что уже были обозначены; не было даже кратенькой биографии, которую некоторые издания, претендующие на солидность, помещают рядом с некрологами. Интересно, кто именно и какими словами убедил главных редакторов соблюдать обет молчания?

Очень странная ситуация, с какой стороны не посмотри.

А если Валькирия в самом деле утонула, то почему извещение о смерти пришло с её личного электронного адреса? Ведь не может же быть такого, чтобы человек написал свой собственный некролог, а потом сам разослал его своим подписчикам?

На всякий случай я ещё раз осмотрела конверт. Буква «W» мне не привиделась, она на своём месте – но больше никаких доказательств что письмо отправлено с личного адреса Валькирии, нет; письма от неё всегда приходят без обратного адреса. Точнее, доказательств, конечно, достаточно, но только для человека, который достаточно хорошо разбирается в компьютерных технологиях: где-то в программной оболочке, само собой, фиксируются сведения об отправителях каждого полученного письма. Но даже я, при всех моих знаниях, едва ли на такое способна, что уж говорить про остальных.

И, наверное, все эти нестыковки каким-то образом можно объяснить.

Однако именно сейчас у меня не было никакого желания разбираться в этих странностях. Если я хоть что-то понимаю в этой жизни, кроме меня любимой имеется множество людей из самых разных структур, которые сейчас занимаются смертью женщины. И вовсе не потому, что лично были знакомы с журналисткой или являлись поклонниками её творчества, а лишь подчиняясь служебной необходимости.

Но всё равно крайне интересно, что же произошло...

Я даже помотала головой, отгоняя непрошенные мысли. Погиб человек, которого я хорошо знаю... знала (язык не поворачивается говорить о Валькирии в прошедшем времени), – а я сижу и раздумываю, почему извещение о гибели пришло не с того адреса электронной почты.

В психологии это называется компенсаторным механизмом. Вместо того чтобы впасть в стресс и устраивать жуткую истерику, человек начинает заниматься чем-нибудь таким, о чём в нормальном состоянии психики и помыслить не мог.

Мой случай – не самый безнадёжный. Стулья я на дрова не колю, отцовские ботинки в окно не вышвыриваю – всего-навсего при минимуме информации пытаюсь заняться частной сыскной деятельностью.

Я судорожно перевела дыхание. И так – Валькирия умерла. И мне нужно приложить все усилия чтобы хоть каким-нибудь боком втиснуть эту мысль в своё сознание.

А теперь отброшу эмоции в сторону и попробую объяснить всё по порядку. В первую очередь – каким образом получилось, что женщину, которую ни разу не видела в глаза, и даже не уверена, что она принадлежит к слабому полу, я называю хорошо знакомой.

Сделаю небольшое отступление. Не знаю, насколько хорошо или плохо такое положение вещей (скорее минусов тут всё-таки больше), но у меня почти нет авторитетов. Только не нужно считать меня абсолютно асоциальной личностью: законы общества, в котором я существую, и писанные, и неписанные, мною соблюдаются безукоризненно. Высокое положение отца обязывает не давать повода окружающим в чём-либо меня упрекнуть.

Тем не менее, для меня авторитетов почти не существует – слишком мало я знаю людей, на которых хочется равняться.

Первым и бесспорным авторитетом для меня является папа. Это подразумевается само собой: глупо не прислушиваться к мнению человека, который сумел стать самым главным в обитаемой части вселенной, тем более если он – твой ближайший родственник.

Второго и последнего человека, который сумел заслужить моё доверие, я практически не знаю, как ни глупо это звучит. Я имею в виду, лично – не знаю. Но у меня такое ощущение, что мне он известен всю мою сознательную жизнь. И этот человек – Валькирия, самая обычная сетевая журналистка.

Само собой, Валькирия – это её псевдоним, настоящее имя женщины – Митникова М. С. Именно так – М. С. Даже сейчас, после её смерти, не представляю, как звали эту загадочную журналистку. Может Мария, может Марина, может – вообще Марфа (в последнее время в моде древнерусские имена. Отца дяди Бори звали Емелей и – представьте – мужик как-то выжил, даже потомством обзавёлся).

Первую статью Валькирии я прочла лет в шесть. Если честно, сначала меня заинтересовал необычный псевдоним; творческие люди зачастую любят эпатировать публику, но не настолько, чтобы на полном серьёзе в солидном сетевом издании называться именем существа, таскающего души убитых воинов в какой-то там их рай.

Без особенного энтузиазма я прочла одну статью Валькирии, вторую, третью, все-рьёз заинтересовалась этими материалами; попыталась отыскать биографию журналистки – не смогла. Это ещё больше заинтриговало меня. Я попыталась отыскать все статьи, подписанные именем «Валькирия» – и тут меня ждала очередная неожиданность. В средствах массовой информации Валькирия работала не так долго, чуть меньше года, но успела опубликовать столько всего, что одно только чтение заняло у меня чуть ли не неделю.

О чём только она не писала! Трудно было найти область человеческих знаний, которую моя таинственная незнакомка не отметила бы своим бойким пером. (Анахронизм, конечно, жуткий в наш век компьютерных технологий, но как всё-таки здорово звучит – «бойкое перо»).

Особенное ударение, как я заметила, неведомая журналистка делала на особенностях внутренней политики близлежащих к Земле планет и на тонкостях межпланетных отношений земного конгломерата. Причём делала она это с лёгкостью, доступной только для человека, великолепно разбирающегося в искомым вопросах. Есть верная примета: усложнять просто, упрощать – сложно. Сведущий человек даже самую трудную проблему объяснит легко и просто, а дилетант долго будет путаться в своих объяснениях и в конце концов заведёт в тупик не только собеседника, но и себя самого.

Даже не знаю, чем меня заинтересовала Митникова, то ли недюжинным интеллектом, то ли особенным чувством юмора, который сквозил в любой, даже в самой серьёзной статье, то ли поразительной работоспособностью (в сутки можно было отыскать две-три её новых статьи), но, скорее всего, совокупностью вышеперечисленного.

До сих пор не могу забыть ответ Валькирии на вопрос одной мамы, которая поинтересовалась, что можно сделать, чтобы отвыкание от соски у ребёнка прошло быстро и безболезненно. Валькирия отреагировала с присущим ей чувством юмора: «Исходные условия: малыш умеет ходить, говорить, но до сих пор не может отвыкнуть от соски. Решение: соска закрепляется (прибивается или приклеивается) к дверному косяку на удобной для применения карапузом высоте. Результат: соску теперь никто не отнимает. Вроде как – на возьми и соси, но карапуз чувствует себя некомфортно и глупо. Да и не отойти никуда по своим делам! Результат: стремительное отвыкание от соски»

Я оформила подписку на все произведения Валькирии и каждое утро начинала – словно прилежный христианин – с молитвы – с внимательного чтения её опусов, которые были равно-

мерно распределены по шести ежедневным газетам, трём еженедельникам и множеству мелких сайтов, где материалы, подозреваю, перепечатывались без всякого на то благословения автора.

Вскоре, благодаря правильно выбранному ежедневному чтению, я стала гораздо лучше, чем раньше, разбираться во многих вопросах, которые раньше считала для себя слишком сложными для понимания или попросту скучными, чтобы обращать на них своё внимание. К их числу относилась политика, статистика, экономическая астрономия и ещё некоторые узкоспециальные вопросы психологии. Очень скоро в Навигаторской кухне я стала ориентироваться как рыба в воде и зачастую поражала папу осведомлённостью в некоторых весьма щекотливых вопросах.

Не прошло и полугодя, как я заметила, что начинаю думать, как Валькирия, отношусь к происходящим вокруг событиям как Валькирия и даже в повседневной жизни оперирую ранее непривычными для себя категориями.

Я в очередной раз потратила несколько дней своей единственной и драгоценной жизни на розыск информации о гиперактивной журналистке, но всё, что мне удалось выяснить, уложилось в тринадцать печатных знаков – одиннадцать букв и две точки – фамилия и инициалы. Фамилия Валькирии оказалась весьма тривиальной – Митникова, а инициалы ещё более тривиальными – М.С.

Больше я ничего отыскать не смогла.

– Папочка, – спросила я отца, потерпев очередное фиаско в сетевых изысканиях, – ты знаешь, кто такая Митникова Эм-Эс?

Папа редко демонстрировал свои чувства – он считал это признаком плохого тона. Но именно после этого вопроса чуть ли не единственный раз в жизни я увидела на его лице гримасу откровенного неудовольствия. Это было тем необычнее видеть, что отрицательные эмоции оказались обращены в мой адрес.

– Тебе-то это зачем?

– Нашла кое-что в Сети, стало интересно.

– Я бы не советовал тебе увлекаться её писаниной.

– Почему?

– Она плохая тётя.

(Не нужно удивляться, что отец оперировал такими категориями, всё-таки мне в то время едва исполнилось семь лет, иногда он относился ко мне словно к обычному ребёнку)

– Почему – плохая тётя?

– Потому что глупая.

Это была настолько неожиданной интерпретацией ответа на вопрос «может ли гений быть злодеем», что я на секунду запнулась, потом с настойчивостью, достойной лучшего применения, продолжила допытываться:

– Почему – глупая?

– Была бы умная – ей бы не нужно было прятаться от Навигаторов! – С неожиданной злостью ответил папа.

Я предпочла разговор не продолжать. Во-первых, не хотелось злить отца, во-вторых, по одной его фразе стало понятно, что вряд ли папе известно намного больше, чем мне.

До этого разговора я была на редкость послушной дочерью... Нет, скажу иначе – я ей и осталась, но теперь у меня появились от отца кое-какие тайны. Я тщательно скрывала от папы всё, связанное с Валькирией: то, что я запоем читаю все её материалы, то, что готова отдать пару лет своей жизни за возможность узнать, кто такая М. С. Митникова в реальной жизни, да и вообще, настоящая это её фамилия или нет. А что самое главное, мне приходилось скрывать, что чем больше я разбиралась в том, о чём пишет неведомая журналистка, тем чаще я соглашалась с её ходом мыслей.

В то же время я прекрасно понимала, почему Митникову на дух не переносят ни папа, ни весь Навигаторский корпус в полном составе. Валькирия была диссиденткой, причём в самом неприглядном смысле этого слова. Не реже раза в неделю, она публиковала программную статью, в которой подвергала критике самые основы нашего общества: структуру управления, институт Навигации, все законодательные пакеты, внутреннюю и внешнюю политику нашей Федерации, направление и качество развития техногенной сферы, особенности работы Графонета – всё что можно, что нельзя, и даже то, на что вообще, по-моему, не имело смысла обращать никакого внимания.

По мнению некоторых источников, Валькирия писала слишком много и хорошо, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что работает она одна; сходились во мнении, что под её именем трудится человек пять-шесть (это – минимум), а какой-то человек с ником скандинавской воительницы (даже не суть, что женщина) руководит литературным процессом, редактирует и правит уже написанные статьи.

Лично я в подобные слухи никогда не верила, испытывая твёрдую уверенность, что всё творчество Валькирии слишком уж явно несёт на себе отпечаток одной личности, на редкость яркой и неординарной.

И вот теперь всё это вдруг закончилось.

Какое-то время я, уподобляясь неприкаянной душе в чистилище, скиталась взад-вперёд по платформе, пиная попадавшие под ноги предметы, наконец, подошла к окну. Ладно, Валькирия погибла, причём самым нелепым образом – утонула во время круиза – но ведь моя собственная жизнь продолжается. Жалко, конечно, Митникову, но если изменить ничего нельзя, то зачем зря переживать? Говорят, нервные клетки, в отличие от всех остальных, не восстанавливаются.

Аутотренинг не помог.

Я снова уселась за стол, мрачно глядя на конверты. Ведь внутри последнее, что написала Валькирия. Самое последнее. Жуть!

Глава 8. Полина

Внезапный удар чуть не сбросил меня с виртуального стула – даже в реале я чуть не выпала из интернет-кресла. Вскочила – и едва успела пригнуться – мимо головы пронеслась какая-то тяжёлая штука. Я бросилась в угол платформы и уже оттуда, из относительной безопасности, рассмотрела происходящее.

Пространство над развлекательными доменами – самое густонаселённое, платформы летают практически впритирку друг к другу. Чтобы сохранять их без повреждений, автопилот приходится постоянно держать включённым.

То ли не сработал какой-то компонент электроники, то ли пользователь зевнул и дал неверную команду, но одна из платформ отчаянно-розового цвета, находящаяся совсем рядом с моей, потеряла управление. Она чуть рыскнула носом вниз, затем всем корпусом резко поднялась – и обрушилась на мою корму.

Среднестатистический автопилот предназначен для простого полёта и обычной посадки. Любой форс-мажор – и система начинает барахлить. Возникшая не по моей вине авария – лучшее тому подтверждение.

Мой автопилот – последнее слово техники... хотя, нет, не буду кривить душой – предпоследнее; я его обновляла пару месяцев назад. Он сработал безукоризненно – моя платформа рванулась вперёд – и удар пришёлся на самый угол. Кое-что из мелочей разлетелось по комнате, корпус платформы приобрёл небольшую вмятину, а я отделалась лёгким испугом – вот, в принципе, и всё. Повреждения могли быть куда серьёзнее.

Почувствовался ещё один удар, гораздо мягче первых двух.

Я выглянула в окно. Так и есть – виновник аварии пристыковывал свою розовую платформу к моему узлу. Сейчас последует долгое и нудное выяснение отношений, мне будут предлагать деньги или попытаются содрать их с меня – тут не угадаешь. Но и одно, и другое – пошло и не интересно. Как же я не люблю таких пердимонклей судьбы!

Высокая голубоглазая блондинка, аккуратно переступая по ковру красивыми точёными ножками, появилась в дверях через минуту. Эта оболочка – привычна мне до отвращения. Больше половины пользователей всех полов и возрастов ведут виртуальное существование в подобной личине.

– Привет! – Широко улыбнулась блондинка. – Меня Таней зовут.

– А меня – Пахом Игнатьевич! – Представилась я.

Улыбку с лица блондинки словно пылесосом вытянуло.

– Здравствуйте! – Снова поздоровалась она, мгновенно растеряв всю свою уверенность.

– Что будем делать, внученька? Начнём выяснять отношения или разойдёмся по-хорошему?

– Давайте, – пролепетала Таня, – по-хорошему.

– Я тоже считаю, что тебе лишних проблем не нужно. Не сходя с этого места, ты переводишь на мой счёт двести рублей – и мы взаимно забываем о существовании друг друга.

– Так много?! – Искренне возмутилась моя собеседница.

– Двести пятьдесят. Ещё одно слово – я вызываю Сетевой Патруль.

Моя собеседница принялась делать пассы руками, выбирая только ей видимые опции своего меню. С точки зрения постороннего наблюдателя я делала примерно то же самое – с дельным видом махала руками в воздухе, хмурила брови, беззвучно шевелила губами – в общем, создавала впечатление напряжённой мыслительной работы.

Открывать номер своего постоянного счёта я не намеривалась – обычная мера предосторожности, создавала новый. В качестве базового банка выбрала самый крупный в нашей солнечной системе – Межгалактический кредит.

Почему именно его? Элементарно! В больших финансовых структурах к физическим лицам, особенно которые открывают счета, а не снимают с них деньги, относятся, как правило, очень лояльно. Да и мама Белохвостикова пусть лишний раз порадуетя новому клиенту.

– Ну? – Спросила блондинка.

Я произнесла номер новосозданного счёта. Не прошло и нескольких секунд – ноль рублей на нём сменился на аккуратную цифру двести пятьдесят.

Вот и чудненько.

Мы даже не стали прощаться, я лишь произнесла что-то вроде «в следующий раз будь поаккуратнее, внученька» – и она выскочила наружу.

Я хмыкнула, глядя ей вслед. Этой внученьке, судя по всему, лет на двадцать больше, чем мне, только вряд ли она это подозревает.

Графонет – идеальная среда, чтобы скрывать свою истинную личность и играть те роли, которые сама для себя считаю увлекательными. Не перечить ситуаций, когда я, не прикладывая особенных усилий (вот, например, как сейчас) парой удачных фраз или одним выразительным жестом создавала образ хитрого старика, склочной старушки, малолетнего мальчишки-сорванца, несколько раз даже довольно удачно притворилась сама собой – мне, правда, никто тогда не поверил.

Я опустила взгляд и, увидев лежащие на столе конверты, вспомнила о Валькирии. Бедная Митникова! Живёшь вот так вот, живёшь, ни о чём не подозреваешь, к чему-то стремишься, упиваешься своей популярностью – и вдруг всё в один миг заканчивается – тем более, вот так вот глупо – хотела, понимаешь-ли, на яхте покататься. Как тут не задуматься о бренности человеческого бытия?

И тут почему-то пришло в голову, что именно Валькирия однажды натолкнула меня на мысль влезть в самую большую авантюру всей моей жизни с орбитальной станцией «Синяя комета». И название я выбрала дурацкое, и сама история оказалась очень и очень некрасивая...

Впрочем, пусть это останется моим секретом, потому что, если об этом узнает мой папа, отношения между нами испортятся всерьёз и надолго. Скажу больше: это – единственное, что может нас по-настоящему поссорить.

В Сети особенно делать было нечего. Я прикинула, что происходит сейчас в реале, и поняла, что там делать ещё более нечего, чем здесь, – и решила остаться в Графонете. Здесь по любому развлечений больше.

Всё самое интересное в моей жизни происходит в Сети; действительность же настолько сера, скучна и неинтересна, что я всё чаще ловлю себя на странной мысли о том, что время, прожитое наяву, потрачено зря.

Вот что, к примеру, делать сейчас в резиденции? Побродить по улице, сама перед собой притворяясь, что получаю от этой прогулки громадное удовольствие? Так ведь опять выгонят домой. Поболтать с дядей Борей? О чём? Почитать какую-нибудь книгу? Неохота. Лечь спать? Рано... Тоска!

А здесь столько забав, что мне на пять жизней хватит. Одни «Джунгли» чего стоят!...

Кстати, да – хорошо, что вспомнила, давненько я на своём сайте не была. Надо бы зайти, что ли, хотя бы раз за полтора месяца – когда ещё придётся!

Меня всегда привлекали интеллектуальные баймы. Всё-таки я не мальчишка чтобы с «калашом» бегать по всяким радиационным Зонам и мочить мутантов. Да положение единственной ближайшей родственницы главного человека планеты ко многому обязывает. Нет-нет, да и мелькнёт в каком-нибудь сетевом журнальчике факт, ввергающий меня в состояние, близкое к шоку: «ЭТО-то они каким образом узнали?!!».

В реальном мире конфиденциальность соблюсти невозможно – к этому я успела привыкнуть. В моём окружении множество всяких людей – и друзья, и обслуживающий персонал, и охрана, и шапочные знакомые – и мои, и папины, да и просто случайные люди. Ещё в глу-

боком детстве я полностью смирилась с тем, что вся моя жизнь проходит на виду у многочисленной толпы – и даже начала получать от этого некое мазохистское удовольствие.

Другое дело – виртуал. Общеизвестно, что Графонет изначально создавался как абсолютно защищённая сеть связанных между собой компьютеров. Существует множество систем защиты. Не совсем понимаю принципы их действия, одно могу сказать без всякого сомнения: среднестатистический человек, усаживаясь за свой комп, может пребывать в твёрдой уверенности, что информация о всех его действиях, совершаемых в виртуале, принадлежат только ему и никому больше. Информация о том, где он был, что делал, с кем разговаривал, где что купил, кому какое письмо отправил – всё это остаётся только на графической оболочке и стирается одним движением руки.

Я в этом была абсолютно уверена, пока вдруг не наткнулась на анонс нового сайта имитации реала, где мельком упоминалось, что одной из первых на сайте зарегистрировалась сама Полина Германовна Иванова и за первую неделю работы четыре раза почтила сайт своим присутствием. Не стоит, наверное, упоминать, что регилась я на чужое имя, а из четырёх – два раза появилась в статусе гостя, никак не обозначая, что у меня уже есть имя пользователя и пароль.

Выслушав меня, папа посоветовал обратиться к начальнику службы безопасности. Само собой, ни к кому я не обратилась. Дело происходило в Одессе, и тамошний шеф охраны не внушал (да и до сих пор не внушает) мне никаких тёплых чувств. Да и здешнего Бориса Емельяновича я бы тревожить не стала – и не потому, что он мне не нравится, а потому, что абсолютно уверена, что в современной технике он разбирается куда хуже меня.

Впрочем, я немного отвлеклась. Продолжу предыдущую мысль.

Меня всегда привлекали интеллектуальные баймы. Папа сызмальства приучал меня к мысли, что, какую бы профессию в будущем я не выбрала, работать мне придётся головой, поэтому нужно учиться ей пользоваться.

Когда в пору своего далёкого детства я только начинала осваивать Сеть, всё началось с того, что я побродила по Сети в поисках развлечения, за которое было бы не стыдно перед посторонними – уже тогда уверенность, что в Сети соблюдается конфиденциальность, как я уже говорила, было здорово поколеблено. Всякие аркадные баймы я отмела сразу. Шашки-шахматы тоже особенного энтузиазма мне не внушили. Логические головоломки – баймы одноразовые – поиграл – и больше не интересно. Я искала нечто такое, во что можно было окунуться с головой и посвятить этому хоть какую-то часть своей жизни. Уподобляясь слепому котёнку, я потыкалась туда-сюда, зарегилась на нескольких сайтах, которые пытались моделировать реальный мир, но быстро оттуда ушла – было настолько неинтересно, насколько это вообще могло быть.

В конце концов я решила, что баймы – это не для меня, жалко тратить время своей жизни на существование в виртуальных – ненастоящих – мирах, и начала вести жизнь сознательного среднестатистического гражданина средних лет, который выходит в Сеть только для того, чтобы прочесть новости, посмотреть пару-тройку фильмов и заняться самообразованием.

Я устроилась за пультом управления.

Платформа плыла довольно высоко – по меркам реала две-две с половиной тысячи метров. Платформы остальных компьютеров маячили гораздо ниже, напоминая суетливых разноцветных жуков. Всё это происходило на фоне футуристического, даже по нынешним меркам, пейзажа: строения необычной формы, многоглавые башенки, мостики, переходы и арки... Взлёту фантазии здешних программеров препятствовали лишь законы сетевой физики, не в пример более гибкие и лояльные к человечеству, чем в реале.

Разглядывая раскинувшийся на обзорном мониторе пейзаж, я вспомнила, что, когда заходила последний раз в Графонет со здешнего компьютера, оставила платформу над развлекательным порталом. Львиную долю подобных секторов составляют баймовые сайты, значи-

тельно меньшую часть – сайты с моделированием реала, в хвосте рейтинга плетутся те, что подпадают под категорию «все остальные».

Среди последних затерялся мой собственный участок здешней виртуальной земли – «Джунгли» – крохотное зелёное пятнышко на фоне прочих сайтов. Эти сайты выглядят не в пример презентабельнее моего, ибо сверкают призывными слоганами реклам и анонсами новинок, над ними, напоминая надоедливых мух, выются десятки платформ, по их периметру горят всеми цветами радуги яркие посадочные фонари.

Эти сайты красивы и популярны. Их владельцы зарабатывают громадные суммы, они находят множество уловок для привлечения новых посетителей и удержания старых. Мой сайт – не из таких.

Сейчас расскажу, каким образом я стала владелицей этого пасторального местечка и что, собственно говоря, «Джунгли» из себя представляют. Надеюсь, это не займёт много времени.

Как мне кажется, история, была в общем-то, до неприличия банальна, несмотря на уверения главных персонажей в последнем.

Лет пять назад в студенческой кафешке на окраине какого-то провинциального городка, вряд ли в крупном городе... ну, в общем, неважно, где это произошло – собралась группа студентов. Не веши бо какими судьбами у молодых людей появилась некая сумма денег, которая, если её разделить поровну на каждого присутствующего, ничего особенного из себя не представляла, но вкуче была достаточной, чтобы явиться стартовой суммой для какого-нибудь мелкого предприятия. Спорили долго и со вкусом, чуть не разбили друг другу физиономии, в конце концов решили купить небольшой участок на территории развлекательного домена и совместными усилиями смастерить собственный сайт – и заработать этим ещё больше денег.

Сначала дело пошло семимильными шагами. Даже по поводу того, что именно должен представлять собой сайт, особенно не спорили – в то время Навигаторы как раз готовились к рассмотрению закона, долженствующего некоторые сайты по моделированию реала сделать частью необязательной школьной программы.

Существуют, знаете ли, в Сети ресурсы, которые официально называются «Образовательные сайты с полным моделированием реала». Берётся какой-нибудь кусочек реального мира, куда воочию попасть весьма затруднительно, – рубка звездолёта, какое-нибудь полусекретное промышленное производство, кусочек нашей или не нашей планеты, – и тамошние реалии копируются с доскональностью, которая зависит только от виртуозности программиста и глобальности замысла заказчиков.

Попав на такой сайт, пользователь бродит, присматривается к тому, что происходит вокруг, участвует, если это запланировано программой, в каких-нибудь переделках, выполняет разные квесты и попутно узнаёт много всякой полезной информации. Познавать – играя – в этом суть любого подобного сайта. Обычные детишки, которые не относятся к суперам (да и сами суперы зачастую), от таких сайтов в полном восторге.

Если уж совсем честно, раньше, в совсем далёком детстве, я тоже частенько посещала подобные имитаторы, и именно на них научилась управлять гравом (на настоящем мне папа не даёт даже пальчиком дотронуться до панели управления), вертолётom и – только не смейтесь, пожалуйста – танком. Самым настоящим, железным, времён мировых войн, с двумя пулемётами и одной 88-миллиметровой пушкой. Не знаю, как мне взбрела в голову такая фантазия. Скорее всего, вдохновение мне придал контраст – среди окружающих меня детей я была довольно маленькая, а танк, с какой стороны ни посмотри – жуткая громадина. Сработал самый обычный психологический закон: чем меньше ростом человек, тем большую коняшку ему хочется оседлать.

Впрочем, я опять отвлеклась.

Так вот, в то, время на пике популярности были как раз сайты по моделированию реала, именно поэтому решили соорудить имитацию южнолатинских джунглей, правда не без неко-

торых изюминок. Главная из них – автоимитатор пространства. Покинуть территорию сайта можно в строго определённых местах, если же просто тупо шагать в одном направлении, то никуда не придёшь, можно брести годами – и всё равно вокруг будет пейзаж среднестатистических субтропиков – и больше ничего. Довольно интересный эффект, надо сказать, хотя как он работает – ума не приложу.

Ещё одна интересная особенность «Джунглей» – скрипт «Эволюция» – это своеобразный генератор эволюционных процессов. Очень полезная вещь, нужно сказать: вся флора и фауна сайта развивается по своим внутренним законам, дополнительная коррекция программеров практически не требуется. С одной стороны, это несомненный плюс – не нужно поддерживать территорию сайта в приличном состоянии, с другой – иногда программа вытворяет с отдельными деталями природы такое, что при случайной встрече с ними в виртуале хочется выскочить из интернетовского костюма и забраться под кровать.

Вскоре процесс создания сайта застопорился. Сделав две трети работы, ребята резко охладели к своей затее. То ли поняли, что создание серьёзного и прибыльного сайта требует гораздо больше душевных и физических сил, чем они могут себе позволить, то ли у них банально закончились деньги. Факт остаётся фактом: уже через пару месяцев недоделанный сайт выставили на продажу.

Мне всегда нравилась природа, особенно в компьютерном мире, а не в реальном, где к симпатичным пейзажам всегда добавляются крайне неприятные бонусы: грязь под ногами, ядовитые гады, насекомые самого недружелюбного характера, одни только москиты чего стоят! Да и комары средних широт здорово портят настроение. В виртуале же имеется возможность любоваться видами природы, не испытывая никаких побочных отрицательных эмоций.

Совершенно случайно я попала на недоделанный сайт, впечатлилась уже увиденным и сделала то, о чём впоследствии ни разу не пожалела: взяла у папы двести тысяч и приобрела сетевой полуфабрикат. Кроме меня больше не нашлось людей, готовых выложить подобную сумму и не совсем понятно, за что именно. Папуля только крякнул, узнав, на сколько уменьшился его счёт.

Расплачивалась я с толстым туземцем самого недружелюбного вида. Лицо у него было разрисовано красками экстремальных колеров, а через две ноздри продета небольшая, как мне показалось – куриная, косточка.

Никогда не понимала людей, которые натягивают на себя такие вот оболочки. Удовольствие они испытывают от своего безобразия, что ли?

– Ты вроде как вождь? – Уточнила я.

– Что, не вызываю доверия? – Хмыкнул тот.

– Точно.

– В списке христианских грехов это называется лицеприятием. Говорят, иногда лечится.

– Лечится-не лечится... – пробурчала я. – Код покажи!

Он показал.

Мне не очень хотелось общаться с этим неприятным парнем. Я перевела на его счёт нужную сумму, полюбовалась его ошарашенным видом (видимо считал, что буду торговаться) и откланялась, расставшись с вождём без особых сантиментов.

Сайт стал моим.

По некотором размышлении я решила кардинально ничего не переделывать, лишь доработать малозначащие мелочи.

Для человека, который случайно забредёт в «Джунгли», этот сайт ничем не будет отличаться от сотен других сайтов подобного направления – ничего особенного он там не увидит. Деревья, зверьки всякие, туземцы, стереозвуки дикой природы... Джунгли, одним словом, что ещё взять. Даже самые терпеливые клиенты, которым совсем уже нечего делать, больше

нескольких часов не выдерживают – и убредают на другие сайты; в Сети достаточно мест, где гораздо веселее и лучше.

«Джунгли» – один из самых неустроенных в техническом отношении сайтов (по крайней мере, из числа тех, которые я знаю). Количество сервисов тут не дотягивает даже до необходимого минимума. Например, отсюда нельзя через стандартный переход переместиться на другой сайт, здесь не работает ОСВИП (общая система виртуальных платежей), а если нужно послать документ на принтер (обычный, не виртуальный), приходится брать файл и тащить его с собой на другой сайт, и уже там проделывать с ним все необходимые манипуляции. Главная функция Интернета – общение. Даже его возможности у меня на сайте доведены до минимума: всего один канал связи, правда номеров для контактов может быть сколько угодно: и постоянных, и одноразовых... Вообще, всё тут крайне неудобно. Почему – объясню чуть ниже.

Случайные посетители надолго в «Джунглях» не задерживаются, вокруг множество других ресурсов с нормально работающим функционалом. Но мне всегда казалось, что в любой неустроенности есть своя прелесть. Впрочем, человек – на редкость приспособляемое существо. Если бы у него на руках и ногах было ровно в два раза больше пальцев, то он мог бы привыкнуть даже к тому, что ему каждый день отрубали бы по одному пальцу – на последней руке он бы совсем не чувствовал боли. Строго научный факт, кстати говоря.

Так же и немногочисленные посетители моего сайта, впоследствии ставшие постоянными насельниками, прожив в «Джунглях» день-два-три-неделю, в конце концов привыкают ко всем неудобствам своего существования. По-моему, это совсем небольшая плата за очевидные плюсы. Никто нас не опекает и не контролирует; и как-то так само собой, путём естественного отбора, получилось, что «Джунгли» стал убежищем для людей, любящих тишину, спокойствие и – главное – чтобы им никто не мешал. Из всего человеческого сообщества в данную выборку идеально, словно улитка – в раковину, вписываются суперы.

Когда я поняла, что мой сайт стал любимым местом обитания *homo superius*, я приложила некоторые усилия, чтобы привлечь на сайт ещё больше наших – дала пару реклам в крупных сетевых изданиях. Не скажу, что количество постоянных обитателей «Джунглей» после этого резко прибавилось, но чисто номинально свою совесть я успокоила.

Последнее, что я сотворила – отыскала среди ребят программера и попросила его зашифровать все входящие и выходящие потоки сайта. Вот именно после этого действия функциональность сайта резко сократилась, зато обитающие на нём суперы получили возможность заниматься своими делами, оставаясь в полной безопасности.

В шкафчике моей платформы отдельное место занимают оболочки именно этого сайта. На других можно бегать в каком угодно виде, но в «Джунглях», в соответствии с правилами, которые я же сама и сочинила, можно носить оболочки только уместных существ, то есть таких, которые могут появиться в данном климатическом поясе и в данной биологической среде. Говоря иначе, можно стать слоном, тигром, каким-нибудь микроскопическим жучком, даже туземцем, но никак не белым медведем – откуда белые медведи в тропических джунглях? Запрещено использовать так же человеческие оболочки современных белых людей и неживых существ вроде киборгов или бионов, всё остальное – разрешается. Считаю, правила довольно простенькие и демократичные. По крайней мере, мне на них никто никогда не жаловался.

Я пользовалась всего тремя оболочками: мартышки, мальчика-туземца и попугая. Самая любимая у меня, конечно, первая – она достаточно маленькая, подвижная, да и мартышек вокруг – тысячи, среди них очень просто затеряться. Единственный минус – на движения человека, который на сайте находится в оболочке обезьяны, в реале смотреть очень и очень смешно. Если бы не дядя Боря, я из тела маленького, забавного и симпатичного зверька никогда бы не вылезала. Но наш начальник охраны, каждый раз, как я оказываюсь в реале, озабоченно просит меня пощупать свою пятую точку, вдруг там начала удлиняться нижняя часть позво-

ночника – тогда мне нужно срочно в больницу. Я тут же обещаю себе в оболочку мартышки не залезать ни при каких обстоятельствах – и всё равно это обещание нарушаю, слишком уж она удобна.

Вторая оболочка – мальчик-туземец. В самом начале, когда я только выбирала оболочки, из человеческих я хотела выбрать девчоночье обличье, но все лица женского пола как на подбор оказались жуткими уродками: не внушающие доверия губастые чернокожие лица; блестящие, словно намазанные жиром, тела; множество каких-то побрякушек, цепочек, амулетов, которые зачастую являются единственным предметом одежды... Не хочу казаться ханжой, но ходить по виртуалу в малопривлекательном и почти обнажённом теле – это не для меня. Тем более, психологи утверждают, что, если в виртуале пользуешься одной и той же оболочкой на протяжении длительного времени, то невольно начинаешь себя с ней отождествлять. Вот только этого мне ещё не хватало!

Вот мальчик-туземец оказался очень даже симпатичным персонажем. На вид ему лет 13—14, глаза у него – чёрные, очень живые, лицо – с благородными правильными чертами (если бы дело происходило в реале, а мне было бы лет на пять побольше, я бы с таким даже попробовала подружиться). Хотя он постоянно одет в одни только шорты, но ощущение обнажённости не возникает, на нём невозможно представить какую-нибудь постороннюю деталь одежды, например, какую-нибудь рубашку или туфли. Коричневое от загара тело мальчика в целом смотрится очень даже органично, не выделяясь на фоне остальной природы. Короче – лучше этой оболочки выдумать, по-моему, трудно.

Третья моя оболочка – попугай, она – для размышлений. Если мне просто хочется подумать, чтобы никто не лез, я становлюсь попугаем, сажусь на ближайшую ветку, нахохливаюсь – и ко мне никто не лезет. В самом начале я пробовала думать в оболочке тарантула, но на меня один раз кто-то наступил (и даже, по-моему, этого не заметил), потом меня с завидной периодичностью принялась склёвывать какая-то вредная птица с непропорционально длинным клювом – она прилетала в то время, когда я меньше всего этого ожидала. Я решила, что лучше самОй быть крылатой – и стала попугаем.

Господи, как же давно это было! Пять лет назад – ровно половину моей жизни!

Прижавшись лбом к окну, я принялась разглядывать огоньки сайтов, над которыми парила моя платформа. Развлекательный домен – более освещённый и внешне самый привлекательный. Как-то так получается, что все остальные сайты – новостные, учебные, научные, с медиаматериалами, оболочки с базами данных – все они имеют более-менее постоянный контингент посетителей и в особой рекламе не нуждаются. А вот баймовые сайты между собой дерутся за своих пользователей словно дворовые пацаны – без всяких условностей, правил и прочих моральных тонкостей.

«ГОНКИ ПО ПЕРЕСЕЧЁННОЙ МЕСТНОСТИ» – надпись возникла прямо в сером графонетовском небе, некоторое время переливалась всеми цветами радуги, потом рассыпалась фонтаном искр. Я только вздохнула. Законом в Графонете строго-настрого запрещено использовать визуальные эффекты на высоте больше двадцати метров – но тут бахнуло метров на полтора. Было бы время и желание – накатала бы жалобу в Сетевой Патруль.

Не люблю заниматься самоанализом, но тут не могла не задуматься, что, если бы не гибель Валькирии, я бы уже строчила «телегу».

Да-а, оказывается меня здорово выбила из колеи эта смерть. Не нужно быть психологом, чтобы понять, почему: в моём окружении, среди близких и дорогих мне людей никто никогда не умирал (мама – не в счёт, я была совсем крошкой и вообще ничего не помню).

Нет, всё, хватит о Валькирии, вот уже и маму вспомнила – это уже вообще ни в какие ворота. Решено – вниз – и немедленно!

Подчиняясь автопилоту и уворачиваясь от других платформ, моя платформа медленно, но верно начала спускаться.

Наконец под ногами заблестела листва многочисленных деревьев. Вот и «Джунгли». Добро пожаловать, как говорится.

Глава 9. Полина

Платформу я оставила в воздухе: приземления на поверхность сайта связаны с определёнными трудностями; там очень много хрупкой растительности, и при посадке невозможно что-нибудь не сломать.

Техника посадки у меня давным-давно отработана до мелочей. Я бросила за борт посадочный трос, к нижнему концу которого прикрепила якорь. Причудливо изогнутая железка плюхнулась в траву. Осторожно перебирая руками, я спустилась вниз, потом подняла голову: прямоугольник платформы медленно растворялся в воздухе.

Всё правильно, так и должно быть. Создатели сайта продумали всё до мелочей. Действительно, если приземления нежелательны, то платформы потенциальных посетителей должны болтаться в воздухе и здорово обезобразивать пейзаж. Именно поэтому все компьютерные объекты, находящиеся над «Джунглями», с земли невидимы, лишь тоненькие верёвочки посадочных тросов нелепо торчат вверх, упираясь острыми концами в серое стальное небо. Это не страшно: если не приглядываться, то они похожи на детали флоры.

Я спрыгнула в высокую зелёную траву.

Каждый раз, когда оказываешься на сайте «Джунглей», первое, на что сразу обращаешь внимание, – очень насыщенные цвета. Если это зелень – то приторного ядовитого цвета, если солнце – то до невозможности рыжее, а вся вода,неважно, в реке, в озере, просто в какой-нибудь луже, такая голубая, что нельзя избавиться от мысли, будто туда подмешан какой-нибудь краситель.

Хотя «Джунгли» я считаю своей собственностью, по здешнему виртуальному лесу я не ходила очень давно и уже успела забыть, как тут, «на улице», красиво.

Лес, могучий и многоярусный, – не просто совокупность деревьев, он воспринимается как одно большое живое существо. Вокруг, насколько хватает взгляда, теснятся громадные стволы пальм, затейливо увитые хвощом, словно новогодняя ёлка – мишурой; разлапистые папоротники – лианы, свисающие с них, походят на зелёную неопрятную паутину; под ногами мягко пружинит шелковистый мох. Как интересно, раньше я этого не замечала. Или просто не обращала внимания?

Вдали что-то протяжно заухало.

Я резво обернулась и успела увидеть толстый задик скрывающейся в кустах птицы, она летела тяжело и низко, с трудом опираясь о воздух коротенькими явно атрофированными крыльшками.

Я долго смотрела ей вслед, и у меня возникло ощущение нереальности происходящего. Хотя о какой реальности можно говорить, если дело происходит в виртуале?

Сейчас попробую объяснить более внятно. Представьте себе, что вы идёте по хорошо знакомому городу и вдруг в какой-то момент понимаете, что всё, что вы видите – дома, газоны, плакаты реклам, – всё это нарисовано на больших фанерных щитах, что стоят вдоль дороги, и на самом деле – реально – ничего этого нет.

Я попыталась проанализировать свои ощущения – и снова убедилась, что окружающий пейзаж выглядит очень странно, не так, как всегда. Но в чём заключается эта странность – этого я сказать не могла.

Были какие-то мелочи, которые сразу не бросались в глаза. Слишком чёткая, без голубоватой дымки, линия горизонта, очень контрастные цвета неба, чересчур мягкий мох под ногами (теперь я точно вспомнила – почва в «Джунглях» всегда была твёрдой), полное отсутствие ветра – не качалось ни единой травинки. В общем, всё было совсем не так.

Костюм глючит? Визуализатор плохо работает? Или что-то ещё?

Я задумалась, усевшись на корточки и устроив подбородок на сплетённых пальцах рук. Дядя Боря оказался прав – в нашем Графонете происходят странные вещи. И моих скудных познаний в технике вряд ли хватит, чтобы понять, что именно и почему. И опять я пожалела, что у меня нет знакомого мальчишки-технаря.

Хотя – почему нет? Очень даже есть! Только он в «Штуке» и вряд ли в ближайшее время сможет оказаться на моём сайте. Да и вредный этот Никита – просто жуть, даже подходить с вопросами не хочется. Ладно, если представится случай, дам ему сетевой адрес ресурса, пусть поломаёт голову над здешними загадками. А если такой возможности не появится – сильно переживать не буду – у меня достаточно проблем и без этого.

Некоторое время я топала по дороге, особенно не задумываясь, куда я иду и зачем. Вообще-то и в «Джунглях» я оказалась просто так, от нечего делать, без всякой определённой цели, и сейчас наслаждалась тем, что можно просто передвигаться в любом направлении и ничего не делать.

Впереди, среди ветвей, мелькнуло что-то рыжеватое. Сначала я не обратила на это внимания, потом заинтересовалась и ускорила шаги. Через пару минут тропинка вынесла меня на небольшую возвышенность – и тут ноги отказались мне повиноваться. Я опустилась на землю. Мне стал виден окружающий пейзаж.

Лес в низине горел.

Это было феерическое зрелище. Ярко-оранжевый огонь мягко облизывал громадные деревья, словно малыш – мягкое мороженое. Звука не было, дыма не было, запаха – тоже, отсутствовали все атрибуты пожара, был только огонь – дикий и всепоглощающий.

Повадками пламя походило на пресмыкающегося – стелилось по земле, приподнимало голову, чуть отползало, чтобы с новой силой броситься вперёд; добравшись до очередного дерева, мягко обвивалось вокруг него, по коре добиралась до верхушки ствола, разочарованно останавливалось – и, очертя голову, бросалось вниз, рассыпалось на множество искр, сплетающихся в одно целое; и снова мягко стелилось по земле, с настойчивостью бездушной рептилии завоёвывая окружающее пространство.

Горел весь лес, что я могла различить – от горизонта и до того места, где я стояла – линия огня заканчивалась в добром десятке метров.

Первое, что я подумала: нужно бежать – и как можно быстрее.

Второе: что «Джунглей» больше нет. Третье... Да нет, больше я ни о чём не думала, только развивала предыдущие помыслы.

Если бежать, то как – через переходы? За пять лет жизни на сайте их накопилось довольно много. Но сейчас впопыхах не разберёшься, какие куда ведут. Если окажусь внутри пожара – оболочка безвозвратно пострадает, и, как следствие этого, я потеряю свою виртуальную личность. Сначала придётся перезагружать систему, затем собирать документы, чтобы доказать, что «Джунгли» – моя собственность... – столько головной боли, что и врагу не пожелаешь, даже не знаю, стоит ли и начинать.

Впрочем, какие-то «Джунгли»? Если огонь будет распространяться с такой же скоростью, как сейчас, через пару часов от моего сайта не останется даже воспоминаний, ещё и прилегающие территории пострадают, за что придётся платить штраф. Мне это нужно? Нет! Придётся однозначно удирать, причём без всяких переходов, ножками, а уже позже, оказавшись вдали от огня, найти переход, ведущий в противоположном от стихийного бедствия сторону.

Вопрос мелькнул где-то в подсознании: почему я не увидела пожара во время приземления?

И тут меня словно дубиной из-за угла огрела мысль, что у меня совсем недалеко находится платформа. Как я сразу не сообразила?! Ведь я только что с неё спустилась!

Думаю, вы не удивитесь, если узнаете, что я бросилась в сторону платформы словно голодный цыплёнок – к пшеничному зёрнышку. Мне нужно было спасти мою виртуальную оболочку, единственную и неповторимую.

Совсем как я.

Есть люди, не придающие особенного значения своей сетевой душе. Каждое утро они перезагружают упавшую вчерашним вечером систему и выходят в Графонет, регистрируются на добром десятке сайтов, затем начинают творить всевозможные пакости – не буду их перечислять, это займёт много времени. Таких пользователей банят, закрывают им доступ к сетевым ресурсам, в конце концов арестовывают и принудительно стирают оболочку. Это – виртуальная смерть. После этого только и остаётся что заново загрузить систему, безвозвратно потеряв все накопленные данные.

Информацию, как правило, можно спасти, если загодя сделать резервное копирование. Это процесс нудный, долгий, и мало кто совершает его с необходимой периодичностью. Мелкие сетевые пакостники о сохранности своих данных заботятся в первую очередь, поэтому они ничего не теряют. А вот я делала последнюю копию информации... даже не помню, когда именно. Года два назад – это по самым скромным прикидкам. Ого! Это значит, что, если что-нибудь не срastётся, я потеряю столько всего, что проще удавиться, чем восстанавливать потерянное.

На третьей скорости я бросилась бежать обратно. Но, не успела я сделать и пары шагов, из кустов выпал какой-то человек. Удивились мы оба, ещё неизвестно, кто из нас больше. Наверное, всё-таки я, потому что незнакомец выглядел так же, как я сама: такой же симпатичный загорелый подросток с правильными чертами лица.

Мы были похожи, словно две капли воды.

Поразительное совпадение, если подумать. Нам предоставили тысячи оболочек на любой вкус, мы могли стать кем угодно, от жука-богомла до громадного африканского слона, тем не менее, не сговариваясь, мы выбрали один и тот же образ: мальчика-туземца.

– Привет, – сказала я, нервно оглядываясь на стену огня в доброй полусотне метров от меня.

– Добрый день, – вежливо поздоровался тот.

Мысль, что я встретила не с малышом, а со взрослым, я сразу отмела – основной контингент развлекательных сайтов ограничивается возрастом 16—18 лет. Да и не будет солидный взрослый человек вести себя так чопорно.

Неужели парень – супер? По мне, так очень похоже. По крайней мере, там, где простой ребёнок скажет «привет», супер выразится более витиевато. Причина более чем проста: если при знакомстве в качестве приветствия скажешь «добрый день», то больше не нужно никаких объяснений, все – и взрослые, и дети – сразу понимают, что перед ними – носитель более солидного интеллекта. Постепенно к этой уловке привыкаешь.

– Что ты тут делаешь? – Я постаралась придать голосу как можно больше дружелюбия.

– Тебе-то что?

Я мысленно вздохнула. Можно дать процентов девяносто, в реале этот субчик – мужского пола. Девочки – они более вежливы; даже если они и грубят, то хотя бы ищут для этого предлог, а мальчишки – задиристы по своей природе.

– Как дела?

– Да так, – с деланным равнодушием ответил мальчик, зыркнув на меня широкими внимательными глазами. Ветер взъерошил всклокоченную шевелюру. Именно сейчас я заметила, что у нас различается цвет волос: у меня они – иссиня-чёрного цвета, у него – светло-русые с рыжеватым оттенком.

– Гуляешь?

– Вроде как.

– С техникой безопасности как, дружишь? – Продолжала я издеваться? – Не боишься, что твой костерок может здорово попортить здешний ландшафт?

Мне, наконец, удалось вывести его из себя.

– Думаешь, это я зажгёт?! – Искренне возмутился мой собеседник.

– А кто?

– Я-то откуда знаю!! Я вообще сюда случайно попал! – Мальчик помолчал несколько секунд и принялся путано объяснять. – Со вчерашнего дня тут брожу. Платформу потерял, пока искал – как-то в центр пожара попал... Дать бы в лоб тем недоумкам, что собирали этот сайт! – Взорвался мальчишка. – Тут вообще ничего не работает! Ни-че-го, понимаешь?! Даже переходы! Мне теперь, чтобы отсюда выйти, оболочку перезагружать?!

– Не обязательно, – успокоила я его, – тут есть места, откуда можно выйти в реал, только их совсем мало, и они спрятаны.

– Зачем?

– Не знаю, – вздохнула я, потому что в самом деле не знала.

Огонь подобрался совсем близко; я первая не выдержала:

– Давай удирать отсюда!

– Куда? – По дрогнувшему голосу я понял, что мой собеседник только кажется спокойным, на самом деле он тоже в панике. – Огонь всюду!

Я кивнула себе за спину:

– Я только что оттуда. У меня там платформа.

– Что же ты молчал?!

Он побежал за мной. Через минуту я остановилась. Мальчишка, судя по всему, был в физической форме куда хуже моей, он схватился за моё плечо и некоторое время пытался отдышаться.

– Ну... и где?...

Я указала на металлический трос.

– Сам сможешь подняться?

В ответ тот возмущённо фыркнул.

Пока я снизу вверх смотрела на то, как мой двойник карабкается на платформу, по динамике движений, по поведению, по реакции на мои слова, по всяким прочим необъяснимым мелочам, я всерьёз заподозрила, что в реальной жизни он очень похож на свою виртуальную оболочку – и полом, и возрастом; судя по всему, ему лет десять-пятнадцать, и вряд ли он – девочка.

Пока я глядела в иллюминатор на горящий лес, мой двойник бродил по платформе, разглядывая интерьеры.

– Шикарно тут у тебя!

Я даже не обернулась.

– Ничего шикарного.

– Тут бандиты были или здесь всегда такой порядок?

– Я уезжаю на учёбу, поэтому многое стирала и выкидывала.

– Поня-ятно.

– Ты откуда? – Спросила я.

– Из Австралии. У нас сейчас пол-второго ночи.

– Как же тебе родители разрешают так допоздна сидеть?

– Они спят уже давно! – Не задумываясь отмахнулся туземец, потом спохватился. –

С чего ты взял, что я маленький?

– Может и не маленький, но и не большой. Взрослые по таким сайтам не ходят – у них своих дел достаточно.

– Это точно. Взрослые – они такие..., – он не договорил.

Я с подозрением уставилась на своего собеседника:

– А ты не супер?

Тот расхохотался:

– Не-а. А что – похож?

– Немножко. Сколько тебе лет?

– Не скажу.

– Мог бы обмануть, – хмыкнула я.

– Мог бы. Но не стал. Вообще, не очень люблю обманывать.

– Молодец. Я тоже.

– У тебя... – мальчик запнулся, – нет какой-нибудь лишней оболочки?

– Чем тебе эта не нравится?

– У меня шорты треснули, пока я по канату лазал, – смущённо признался туземец.

– Теперь понятно, почему ты вокруг меня ходишь как луна вокруг Земли – одной стороной.

Мальчик хихикнул шутке, потом уважительно заметил:

– Ты умный.

– Спасибо. А оболочку – там, в шкафчике посмотри, – махнула я рукой, – можешь любую выбирать.

Шлёпая босыми ногами по полу, он прошёл в указанном направлении, вскоре оттуда раздался его восторженный вопль.

Я не обратила на это ровно никакого внимания, меня больше интересовал пожар за окном, который разгорался всё сильнее и сильнее. Как я не заметила его при спуске – ума не приложу. Или я настолько была занята мыслями о гибели Валькирии?

Ладно, пора решать, что можно сделать.

Патрульных вызывать не имеет смысла. Допустим, они потушат огонь, но зато в качестве оплаты снимут со счёта такую сумму, что мало не покажется. И в качестве бонуса оштрафуют – это тоже не малые деньги.

Итак, официальные пути решения проблемы – напрочь закрыты.

Что смогу сделать я сама? Если бы я хоть немного понимала в программировании, могла бы сотворить что-то вроде дождя или бури – благо, компилятор имеется, причём не самой последней модели. Когда я его выбирала, задала себе очевидный вопрос: зачем покупать скрипку человеку, в активном словаре которого нет даже слова «ноты»? Сейчас я задала себе тот же вопрос: на кой мне компилятор, если я только и умею, что включать его?

Сзади раздалось какое-то громыхание. Я обернулась – и едва не вскрикнула – передо мной стоял высокий бледный старик в некоем подобии средневековых доспехов.

– Ну, как я тебе? – Спросил он.

За последнюю минуту я напрочь успела забыть про моего мальчика-туземца.

– Неплохо. Что это ты на себя напялил?

– Не знаю. Мне нравится.

Я не совсем вежливо фыркнула:

– Ну, ты даёшь! Меньше всего я тебя ожидала увидеть в образе Дон Кихота!

– Кто это такой? – Подозрительно осведомился рыцарь.

– Очень положительный персонаж.

– Точно положительный? Чего тогда смеёшься?

Я снова расхохоталась, разглядев подробности амуниции. Программер, делающий оболочку, с доскональной точностью соблюл все детали амуниции книжного персонажа: наличествовали даже шлем с картонным забралом и медный тазик на голове.

– Ладно, – отсмеявшись, сказала я, – проехали. Не будем больше на эту тему.

– Это почему же – не будем?

Я уже не слушала моего собеседника, у меня в голове мелькнула идея.

– Слушай, а ты, вообще, как, в программировании хоть немного разбираешься?

– Ещё как разбираюсь! – Без всякого перехода подтвердил Дон Кихот.

Точно – мальчишка. Они – все такие хвастуны. Любая девочка сейчас бы осторожно заметила, что, мол, да, кое-что в компьютерах понимает.

– С компилятором умеешь работать?

– Ага!

– Сможешь пожар потушить?

Бряцая доспехами, Дон Кихот подошёл к окну, посмотрел вниз, потом недоуменно вззрился на меня:

– Этот?

– Какой же ещё?

– Да ты что – совсем...? – Он не договорил.

– Я-то думал, ты в самом деле разбираешься в технике.

Пока Рыцарь Печального Образа искал достойный ответ на мой выпад, я вытащила из ящика стола компилятор и протянула аппарат собеседнику.

Сделаю небольшое отступление. Компилятор – полезная в сетевом хозяйстве вещь, особенно если умеешь им пользоваться. Этот прибор позволяет создавать или стирать объекты виртуального мира. В руках умелого программера он превращается в оружие, на многих сайтах, в основном на баймовых, компиляторы запрещены.

Представьте себе такую ситуацию: человек едет на вездеходе по пустыне и расстреливает всякую нечисть, набирая себе очки. Рядом на таких же машинах едут друзья и занимаются примерно тем же.

И вот, благодаря какому-нибудь хитрому пользователю с компилятором, сверху начинают сыпаться бетонные блоки. Мало того, что такое поведение просто-напросто нечестно, это представляет определённую опасность для обычных пользователей, да и здорово мешает нормальной работе сайта.

Сама я компиляторами никогда не пользуюсь, и не потому, что такая честная, а из-за того, что не умею. Точнее, могу сотворить какие-нибудь незначительные мелочи, о которых даже рассказывать неловко, а навести порядок на сайте или, допустим, усмирить стихию и потушить пожар – на такое я не способна в принципе, даже если приложу значительные усилия и попробую досконально изучить программирование – моя голова, как мне кажется, под такое не заточена.

Невзирая на всё вышеперечисленное, у меня на платформе всегда лежит компилятор самой последней модели. Не знаю, зачем, наверное, для таких вот форс-мажорных обстоятельств.

– Ого, – уважительно протянул Дон Кихот, разглядывая прибор, – дорогой, похоже.

Он сделал неловкое резкое движение головой, и картонка шлема опустилась ему на лицо.

– Они в широкую продажу ещё не поступали, – с деланной небрежностью сообщила я. – Так что там по поводу пожара?

– Могу, конечно, попробовать, – промямлил Дон Кихот, поднимая забрало. Чем больше он разглядывал компилятор, тем неувереннее выглядел. Похоже, такая навороченная техника ему в руки попала впервые.

– Покажи мастер-класс, – съязвила я, с деланным смирением усаживаясь на подвернувшееся кресло.

Рыцарь, озабоченно хмурясь, принялся нажимать кнопки. Перед тем как утопить «ввод», он сделал небольшую паузу, и я успела морально подготовиться, как мне казалось, ко всему. Но не к тому, что произошло. Откуда-то сверху упала железная бочка, благо – пустая. От неожиданно громкого звука вздрогнули мы оба.

– Что это? – Вырвалось у меня.

Лязгая, бочка откатилась к стене платформы и замерла.

– Я кое-что перепутал, – запинаясь, объяснил старик.

– Да неужели? – Моего сарказма хватило бы на десяток подобных ситуаций.

– Ладно, я сейчас, – забормотал Дон Кихот, лихорадочно нажимая кнопки компилятора, – сорок два – это, выходит, не координаты, а литраж, тогда...

За окном мелькнула какая-то тень. Я обернулась.

Рыцарь поднял на меня полный надежды взгляд:

– Что там? – Спросил он.

– Бочки, – со вздохом отозвалась я. – Много бочек. И они все падают на лес.

– Они с водой.

Я постаралась облечь мысли в наиболее вежливую форму:

– Я представляла нечто более... солидное. Ты в самом деле надеешься ЭТИМ потушить огонь?

– Я хотел дождь устроить, – признался рыцарь, – а нужную команду не точно помню.

– Вспоминай. Только не забудь, что весь мусор, что ты сейчас высыплешь вниз, нужно будет стереть. Там Джунгли, а не свалка.

Мой собеседник впервые проявил признаки недовольствия:

– А чего ты вообще так распинаешься? Пусть Админы сайта работают – они за это деньги получают. Или это ты пожар устроила, а теперь как любой честный человек хочешь устранить последствия?

– Я?! Как тебе вообще такое могло прийти в голову?

– Тогда чего ты суетишься?

– Я сама админ этого сайта!

Дон Кихот некоторое время переваривал сказанное, потом несмело хмыкнул:

– Ну-ну. И как же ты довела сайт до такого состояния?

Мне стало неловко.

– Я – занятый человек. У меня в реале – проблем – выше крыши, мне некогда тут копать.

– Ты сама только что проговорила, что ты – тётя, а не дядя. Какие у тебя могут проблемы?

Некоторые высказывания по своей сути настолько абсурдны, что не требуют ответа.

– Я бы на твоём месте не медлила с дождём.

– А что мне за это будет?

Я чуть не выругалась. Надо же было мне натолкнуться на такого морального урода!

– Ты на моей платформе, – холодно напомнила я. – Наведёшь порядок на сайте – привезу домой с прибылью. Нет – выйду в реал, выключу комп и сотру систему – тогда крутись как хочешь. До второго пришествия будешь свою платформу искать. Если она к тому времени не сгорит.

– Угрожаешь? – Мрачно поинтересовался Дон Кихот.

– Угрожаю, – легко согласилась я. – Ты же мне другого выхода не оставляешь, верно?

Рыцарь Печального Образа, он же – Рыцарь Львов снова занялся клавиатурой. Судя по тому, что он со мной не спорил, его комп был под завязку набит информацией, которую было бы неплохо оставить в целостности и сохранности.

– А если я тебя свяжу? – Спросил вдруг он, подняв голову.

– Если ты каждый день на чужих платформах по Графонету рассекаешь – можешь попытаться, пятьдесят на пятьдесят, что получится, – дружелюбно отозвалась я. – А если у тебя соответствующих навыков нет – лучше не болтай зря. Сетевые Патрульные таких типчиков ой как любят. Твои родители будут выплачивать штраф всю оставшуюся жизнь.

– С чего ты взяла, что у меня есть родители? Я сам себе родитель.
– С твоими подростковыми амбициями? Ни за что не поверю, что тебе больше пятнадцати!

– А тебе сколько?

– Шестьдесят восемь. И два с половиной месяца.

– Чо – правда?

– Нет, конечно. Если ты мне не говоришь правды, зачем я буду изливать тебе свою душу?

Мы продолжали лениво переругиваться, но Дон Кихот не забывал настукивать по кнопкам. У него снова что-то не ладилось – сначала окна платформы сильно запотели изнутри, потом пол начал покрываться инеем. Я хотела прокомментировать состояние умственных способностей моего невольного спутника, но потом оставила сарказм при себе. Когда будет опасность захлебнуться своим же ядом – выскажу соображения; пока же лучше помолчать. Тем более, я сама даже не представляю, с какой стороны подходить к компилятору – при таком раскладе язвить над кем-то, кто работает на компиляторе недостаточно хорошо – это голое, ничем не прикрытое лицемерие.

Всё закончилось минут через пять – за окном что-то громынуло, сверкнуло – и на платформу обрушился многотонный поток воды. Пол и потолок поменялись местами – я взвизгнула, попыталась за что-нибудь уцепиться – у меня не получилось.

Дальнейшую хронику событий я не смогла бы описать даже под дулом револьвера – меня, Дон Кихота, а также ещё полдюжины вещей, плохо привинченных к полу – болтало по комнате, словно лотерейные шарики по барабану. Пару раз рыцарь здорово приложил меня по голове своим доспехом, один раз я каблуком въехала ему промеж глаз... в конце концов платформа, ломая деревья рухнула на землю и замерла.

Глава 10. Полина

Дон Кихот выполз из-под стола. Он надрывно кашлял и отплёвывался. Я, держась за ушибленный бок, выбралась из лежащего на боку шкафа.

– Чт-то это было? – Пролетел доблестный рыцарь.

– Ты МЕНЯ спрашиваешь?

Дон Кихот потерял свой тазик-шлем, его всклоченная шевелюра вызывала у меня жалость и сострадание, словно он в самом деле был старик, а не малолетний искатель приключений.

– Я дождь хотел устроить...

– ... а получился всемирный потоп. Бывает, не спорю.

Платформа рухнула в лес в правильной ориентации – пол оказался внизу. Спотыкаясь об разбросанные детали бывшего интерьера, я подошла к разбитому окну и выглянула наружу.

Я могла упрекнуть славного рыцаря лишь в том, что он перевыполнил план.

От пожара не осталось следа. Точнее, следов было более чем достаточно: вокруг, насколько хватало взгляда, торчали обгорелые пеньки, залитые водой, над обугленной поверхностью клубился тяжёлый удушливый дым. Графонет ещё не дошёл до того, чтобы передавать запахи; если бы моё обоняние работало так же, как в реале, вряд ли бы у меня получилось столь безмятежно любоваться через выбитое окно здешним пост-апокалиптическим пейзажем.

Мысли достойного рыцаря, похоже, двигались по тому же незатейливому пути, что и мои.

– Если бы дело происходило в реале, тут стояла бы жуткая вонь, – сказал он.

– Это точно. – Не найдя, куда можно пристроить пятую точку, я присела на закопчённый, склизкий от сырости подоконник. – Ладно, платформу ты мне угробил...

– Я огонь потушил!

– Одно другому не мешает. Платформу ты мне угробил, – повторила я, – теперь мне проще выкинуть этот компьютер и купить новый, чем наводить здесь порядок. Сайта у меня тоже практически не осталось. И что мне теперь делать?

– А что это вообще за ресурс был?

– «Джунгли». Из него хотели сделать сайт с имитацией реала, но не доделали. Я его купила, и оставила всё как есть.

– Скажи лучше, что руки из задницы растут, вот и оставила всё как есть. Если «Джунгли» купила, да ещё и новый сайт собралась покупать, значит деньги есть. Что, программера не могла нанять какого-нибудь самого захудалого, чтобы за хлеб работал?

– Не могла. Мне лучше не надо.

– Технофоб, что ли?

– Ладно, – вздохнула я, спрыгивая с подоконника и усаживаясь на корточки. – Мне сразу стало понятно, что ты супер. Я – тоже. Тебе сколько лет?

Рыцарь тоже поднялся. Я заметила, что при этом он сделал лёгкое движение обеими руками около колен, словно там, в реальном мире, поправил брюки. Значит я оказываюсь права, он – пацан. Хотя, девочки в джинсах тоже бывают.

Тот долго молчал, наконец с усилием выдавил из себя:

– Шесть.

– А мне – десять. Ты мальчик? – Продолжала я импровизированный допрос.

– Что – не видно? – Недовольно буркнул он в ответ.

– Не видно. Знаешь, – принялась рассказывать я. – Недавно наткнулась на интересную статью. Один дяденька провёл большое исследование, посвящённое проблемам выбора интернетовских оболочек. Оказывается, почти все люди имеют обыкновение влезать в оболочки, противоположные по полу и возрасту. Какой-нибудь дедушка в полном восторге, если ему хоть

в виртуале удаётся побыть маленькой девочкой. А девочки наоборот выбирают оболочки здоровых бородатых мужиков, на которых только посмотришь – и тут же хочется во всех грехах сознаться и свои карманные деньги отдать им. На всякий случай. А вот если человек постоянно пребывает в оболочке своего пола и возраста – это значит, что он большой начальник или у него скрытые психические отклонения. Понимаешь, что я имею в виду?

– Дурак он, твой дяденька! – Отозвался рыцарь. – Чтобы я в старушачью оболочку залезал?! А то, я, что – дураком буду?!

Его негодование было до того неподдельным, что если я раньше и что-то подозревала, то теперь убедилась окончательно и бесповоротно – передо мной именно мальчик.

– Имя – не скажу, и не упрашивай!

– Жаль.

– Почему?

– Хотела тебе кое-что подарить. Но для этого мне нужен, как минимум, твой сетевой идентификатор.

– «Хотела»? Так ты – девочка? – Невольно вырвалось у моего собеседника.

– Само собой. Иначе бы мы с тобой уже подрались.

– С чего ты взял... взяла?

– Слишком нагло ты себя вёл в первые несколько минут после нашего знакомства. Только мальчишки бывают настолько самоуверенными.

– Ты говоришь как типичная девчонка! – С некоторой обидой в голосе заметил Дон Кихот.

– Это лишний раз доказывает, что я и есть девчонка.

– Тебе так приятно быть типичной?

Вот за что я не люблю общаться с суперами, хоть они, как не крути, мои братья по разуму, так это за то, что они любят задавать такие вот витиеватые вопросы.

– В какой-то степени – приятно, – осторожно заметила я.

– Тогда всё ясно. – Он помолчал минуту. – Так что ты собираешься мне подарить?

– Скорее отдать во временное пользование. – Не зная, как пограмотнее подойти к нужной теме, я, с тактичностью кирпича, падающего на голову, осведомила. – У тебя был когда-нибудь свой собственный сайт?

– Так я и думал, – со вздохом сообщил Дон Кихот и, лязгнув доспехом, уселся прямо на пол.

– Чем тебе не нравится мой сайт?

– Начнём с того, что сайт почти полностью сгорел.

– Половина сайта, – уточнила я. – Не жилая, если для тебя это имеет какое-нибудь значение. А если учесть, что на нём стоит автоимитатор пространства и чисто теоретически сайт бесконечен...

– С этим всё понятно, – отмахнулся от моих объяснений средневековый борец за добро и справедливость. – Тут, конечно, дерьмо, зато его бесконечно много. – Провёл он анекдотную аналогию. – Да? Ответь на главный вопрос: зачем мне нужен твой полусгоревший и на треть работающий сайт?

Невзирая на то, что я сама – супер, после этого словесного экзерсиса я невзлюбила и весь наш вид homo superius в общем, и этого парня в частности. Ну как можно быть таким жутко бестактным и донельзя практичным?

– Ладно, попробую экстраполировать ситуацию на пару лет вперёд, – сказала я, сама удивляясь сухости своего голоса. – Я могу оставить всё как есть и тупо уйти в реал. После того, что сейчас осталось от моей платформы, я, само собой, выброшу компьютер – и все следы моего присутствия в «Джунглях» исчезнут – никто никогда не сможет догадаться, чей это был

сайт. После очередной графонетовской переписи донельзя запущенный и никому не принадлежащий кусочек сетевого пространства отформатируют – и всё исчезнет.

– В общем-то банальная история, но, когда её рассказываешь ты, это выглядит..., – Дон Кихот запнулся, подбирая слово, – печально.

– Точно – печально, – согласилась я, радуясь, хоть тема к этому не располагала, что диалог как-то начал налаживаться. – И тебе не жалко сайт?

– Не особенно. Я не успел к нему привыкнуть.

– Зато другие успели. Ты хотя бы о них подумай.

– Здесь кто-то живёт?

Я кивнула:

– Наших тут – знаешь сколько?

– Наших – это кого?

– Суперов, конечно.

– И что они тут делают?

– Живут.

– Что – больше жить негде?

– Жить можно где угодно, но они здесь ещё и занимаются своими делами.

– Как-то странно ты говоришь. Что за дела?

– Разные, – улыбнулась я. – Некоторые суперы такое творят, что ни один нормальный сайт их не потерпит. Или ты не в курсе? У тебя как-то по-другому?

– Ну-у, в общем, – чуть смутился мой собеседник, – как-то так...

– Вот! – Вдохновилась я. – Знаешь, почему тут так плохо с коммуникациями? Потому что все потоки сайта закрыты.

– Да-а? – Протянул Дон Кихот заинтересованно. – А входящие?

– Я же сказала – все!

– Это ещё зачем?

– Не маленький, сам должен понимать. Чтобы не заморачиваться соблюдением текущего законодательства.

Старик, терзая куцую бородёнку, погрузился в мучительные раздумья. Я бродила взад-вперёд, едва скрывая раздражение. Дают – бери, бьют – беги – чего тут непонятного? Парню за просто так дарят... ну, не совсем дарят – дают попользоваться – громадным ресурсом в центре Графонета, а он ещё и раздумывает. Любой другой за пару месяцев состояние на нём себе мог бы сколотить – это всё равно, что получить в личную собственность стадион в центре Одессы.

Можно подойти к вопросу, с другой стороны. Люди устроены примитивно: для них нет ничего более желанного, чем власть, то бишь пошлое стремление покомандовать своими ближними. У суперов это выражено более ярко – некоторые свойства нашего характера вообще очень трудно изменить. Я предлагаю парню порулить целым сайтом, и не просто сайтом, а с проживающими на нём суперками. Власть эта, конечно, чисто номинальная: стоит ему только сказать или сделать что-нибудь непопулярное, все обитатели сайта тут же разбегутся: «Джунгли», конечно, очень удобный для жизни и работы ресурс, но не настолько, чтобы терпеть самодурство глупого админа.

Странно, что Дон Кихот не соглашается на столько перспективное предложение. Да полно, с чего я взяла, что он вообще супер? Только с его слов? Как-то это... несуразно, если не сказать больше.

– А почему ты не хочешь больше заниматься этим проектом? – Вдруг спросил рыцарь.

– Тебе не всё равно?

– Только из-за того, что разрушен сайт?

– Не совсем. Ты невнимателен. Я уже сказала, что мне десять лет. Что из этого следует?

– Ты теперь в «Штуке» учишься? – Догадался Дон Кихот.

– Бинго! —Хлопнула я в ладоши. – Наконец-то! Я уж думал, ты не сообразишь!

– А почему из своих знакомых никому не предложила?

– Если ты тоже супер, то должен понимать, что в реале мы недолюбливаем друг друга.

– Недолюбливаем? – Хмыкнул защитник добра и справедливости. – Похоже, ты просто-напросто не умеешь находить общий язык с окружающими. У нас в городе двенадцать суперов, и мы общаемся только между собой. А вот с другими не очень ладим. У нас такой клан, что ни один посторонний к нам не рискнёт сунуться.

– А откуда ты? – Полюбопытствовала я.

– Не важно, – отмахнулся мой собеседник. – *In multa sapientia multa sit indignatio.* (Многие знания – многие печали. лат.)

– А я уже начала было сомневаться, что ты супер.

– Какая ты, однако, доверчивая. Стоит только сказать пару фраз на латыни – и сразу во всём убеждаешься.

– Ну, допустим, не во всём. Ладно, давай ближе к делу. Ты согласен взять сайт?

– Ну-у, – протянул он, – согласен.

– Тогда пойдём, – поднялась я на ноги, рефлексивно отряхнулась сзади, хотя в виртуале в принципе замараться нельзя. – Я тебя в деревню провожу. Сначала можно пожить там.

– А потом?

– Потом что-нибудь ещё отыщешь, места тут много.

Ссылку для перехода я выбирала мучительно-долго, всё-таки я не была в посёлке больше двух лет, за это время она успела затеряться в глубинах электронной памяти. Сначала рыцарь с интересом следил за мной, потом, как и я, принялся совершать сложные пассы руками прямо перед собой. Тоже, похоже, работал со своим меню. Только вот что он мог там делать – ума не приложу.

– Во, нашла! – Сообщила я. Скопировала ссылку, отдала ему – и вскоре мы вдвоём уже стояли около главной хижины посёлка.

На обширной поляне, со всех сторон закрытой лесом, были хаотично разбросаны маленькие, сплетённые из тростника домики, между которыми бродили разные животные, но кое-где попадались и люди. Мимо нас деловита прошла компания существ, которых я даже не рискну отнести ни к одному похожему на Земле виду. Они чем-то напоминали миниатюрных динозавров, только с человеческими руками.

Недалеко мелькнула фигурка симпатичной девочки-туземки. Как я понимаю, с тех пор, как я выбирала себе оболочку, многое успело поменяться: список оболочек обновился, их количество и качество резко возросло. Как-нибудь нужно заглянуть, посмотреть, что там есть хорошего. Почему бы не стать такой вот девочкой? Тем более, попугайную оболочку давно уже нужно менять, при длительном полёте у птицы почему-то вырастают две дополнительные лапы, зато начисто исчезают все перья.

Потом я внимательно оглядела окрестности: досюда пожар не добрался. Если бы был виден горизонт, вполне возможно, где-нибудь вдали бы заметили столб дыма. Здесь же обзор закрывался деревьями.

– Куда теперь? – Поинтересовался Дон Кихот, про которого я уже начала забывать.

Я кивком указала на дверь главной хижины:

– Сначала тебе вроде бы нужно здесь отметитья.

– Вроде бы? – Переспросил рыцарь.

– Я здесь два года не была.

– Как же ты тогда управляешь сайтом?

– То, что я – админ этого «Джунглей», это не значит, что я им управляю.

– Не понимаю!

– Чего тут не понимать! За природой тут смотреть не нужно – она работает на движке «Эволюция». И люди тоже живут сами по себе – всё-таки это суперы, а не какие-то там залётные.

– Откуда ты знаешь?

– Мне приходит некоторая информация...

– Наконец-то! – С облегчением выдохнул Рыцарь печального образа. – Я-то думал, ты вообще никак не касаешься к здешней жизни.

Вообще-то я в самом деле никак не касалась здешней жизни и по поводу информации просто-напросто наврала, чтобы не выглядеть в глазах моего нового знакомого полной идиоткой. Не буду же я объяснять, что купила сайт и называлась его админом, тратя деньги и силы на развитие ресурса, только для того, чтобы никто не лез в мои дела. Простое правило любого умного политика: не хочешь, чтобы до тебя докапывались начальники, сам стань начальником.

Я толкнула дверь виртуальной хижины и вошла внутрь. Один раз я уже была здесь, когда регистрировалась сама, много лет назад, поэтому не особенно удивилась, увидев, что внутри вместо крохотного пространства, огороженного стенами из тростника – белый овальный коридор с матово светящимся потолком. На зеркальных полах – ни пылинки – такое ощущение, будто здесь с момента создания никто не ходил.

Я оглянулась. Мой спутник мялся на пороге.

– Проходи, чего стоишь!

– Да ничего.

Он наклонился и, лязгая доспехами, неловко прошёл в дверной проём.

Я знала, в чём он не хотел признаваться. Даже если тебе лет пятьдесят и большую часть своей сознательной жизни ты провёл в Сети, когда заходишь в тесную лифтовую кабинку – и оказываешься на стадионе, – к этому привыкнуть невозможно. Включается какой-то психологический тормоз. Каждый раз, находясь в виртуале, невольно привязываешься к его реалиям (если вообще можно так говорить) – и, чтобы перешагнуть из одного виртуала в другой, особенно полностью незнакомый, нужно несколько секунд, чтобы собраться с мыслями. Папа называет это «оклематься».

Мы прошли по коридору. Лестницу мне удалось отыскать без особого труда. Лично мне восхождение по ней не доставило никаких неудобств, зато доблестный рыцарь лязгал доспехами и с трудом балансировал на каждой ступени. Он, судя по всему, был близок к тому, чтобы начать выражать свои мысли самыми нехорошими словами.

Наконец мы добрались до второго этажа.

Я наобум открыла одну, вторую, третью дверь – там были какие-то столы, тумбочки, шкафы – и никого. Полное запустение.

Одно из помещений показалось мне более обитаемым, чем остальные. По крайней мере пыли в нём было чуточку поменьше, чем в остальных помещениях.

– Заходи! – Буркнула я, пропуская рыцаря без страха и упрёка, вперёд.

Мы зашли.

Я весьма бодро протопала к сейфу в углу кабинета, который почему-то оказался открытым, в нерешительности остановилась перед ним, разглядывая солидную кипу папок.

«Учёт поступления финансовых средств на территорию домена»

От неожиданности я даже ойкнула. Слишком уж серьёзное название, тем более, на первой, самой верхней папке. А что там – ниже? Нет, за время моего отсутствия на сайте многое поменялось – это уже не вызывает никаких сомнений. И эти странные документы... В мою бытность такого не было. У меня даже помысла не возникало наладить какую-нибудь пусть даже примитивную форму отчётности, как это происходит на серьёзных, уважающих себя ресурсах. Тем более – зачем? Полулегальное существование до сих пор меня вполне устраивало – ни на что большее я никогда особенно не претендовала.

В бумагах я копаться не стала – сначала нужно, выяснить, что тут, в «Джунглях», творится – и уже после этого начинать ревизию документации. Иначе, если случайно суну свой нос не туда – рискую нарваться на неприятности. В реале мне, конечно, ничего не сделают, но и в вирте среднестатистическому пользователю можно создать много неудобств.

– Ты вообще знаешь куда идти? – Спросил меня Дон Кихот, когда я, обескураженная, захлопнула сейф и повернулся к двери.

– Скорее нет, чем да.

– В смысле?

– Помню, что меня где-то на втором этаже регистрировали, а где именно – из головы выскочило. Здесь, вроде, так и должно остаться, как было – я тут ничего не меняла...

По глазам Дон Кихота, который очень выразительно молчал, мне стало ясно, что я несу полную чушь – тут и без меня хватило желающих порулить.

Поймать бы этих мудрецов – я бы их вывела на чистую воду!

Мы снова обошли все кабинеты второго этажа, снова спустились на первый – в конце лестницы у Дон Кихота сдали нервы:

– Где тут можно другую оболочку найти?

– Откуда я знаю! У меня на платформе, наверное.

– Пойду на улицу, спрошу, может смогу найти где-нибудь поближе.

– Не вздумай брать платные – в «Джунглях» всё должно быть бесплатно. Если кто-то будет просить за оболочки деньги – смело бей в лоб – это плут.

– Прямо-таки и в лоб?

– В лоб. Знаешь, как обидно получить по голове отходячей кучи металлолома?

– Это, между прочим, оболочка с твоей платформы!

– Я уже не помню, откуда она. По-моему, с какой-то баймы осталась. Можешь мне поверить, ради собственного удовольствия я бы такого носить не стала – у меня другие эстетические вкусы

Дон Кихот со своими железками-доспехами-тазиками, громыхая словно грав с металлоломом, ушёл прочь.

Я принялась бродить по коридорам пустынного здания, наткнулась на пару закрытых дверей, в дальнем крыле главной хижины отыскала множество переходов, которые были свалены просто так, на полу, словно ненужный мусор.

Само собой, у меня даже помысла не возникло проверять, куда они ведут. Это – одно из главных правил сетевой безопасности в современном Графонете. По простенькой ссылке можно утопать туда, откуда никогда в жизни не вернёшься, если вообще жив останешься.

И вообще, странно тут всё было, в этой хижине. Возникало ощущение, будто какой-то программист пытался сотворить что-то очень серьёзное и официальное, но энтузиазм у него иссяк на начальном этапе – после постройки стен. Нет, ещё, конечно, он успел сделать столы, стулья, сейфы – но что-то его остановило.

А нынешние обитатели сайта попытались в этом полуфабрикате наладить какую-никакую бюрократическую деятельность (насколько это у них получилось – судить пока не могу; для этого нужно проверить хотя бы с десяток здешних документов).

Короче, всё не так.

Я вспомнила свою школу, и который раз подивилась, насколько мне везёт на всякие загадки. В «Штуке», в Сети, тоже творится что-то несусветное. И чем больше узнаёшь ответов на вопросы, тем больше этих самых вопросов возникает.

Глава 11. Полина

Дон Кихот долго не появлялся. Настолько долго, что я не вынесла ожидания и выбралась на улицу.

Он стоял неподалёку и разговаривал с размалёванным туземцем. Увидев меня, наскоро попрощался с ним и подошёл ко мне.

– Ты права, тут лишних оболочек ни у кого нету.

– Чего так долго?

– Я тут пораспрашивал, и оказалось, староста совсем не здесь, а на другом конце посёлка. Пойдём?

– Пойдём! – Согласилась я.

В посёлке кипела обычная жизнь: аборигены (не только люди, но и всякая непонятная и полупонятная живность) бродили туда-сюда, иногда ожесточённо спорили между собой, что-то таскали в больших плетёных корзинах. Я пригляделась: связки бумаг, объёмистые папки-скоросшиватели...

Пусть теперь кто-нибудь попробует усомниться, что в «Джунглях» обитают не суперы!

Мы добрались до леса и пошли по небольшой, хорошо протоптанной тропинке. Когда мы вышли на большую поляну, та оказалась пустынной, только в самой середине стоял сплетённый из тростника шатёр.

– Если и здесь никого нет... – с угрозой в голосе сказал мой спутник, – выйду в реал.

– Толай! – Рявкнула я. – Достал ты меня со своим нытьём!

– Ладно, не ори, это я так.

– Так, так, – перекиривляла я его. – Может ты всё-таки девочка, а?

– По-моему, ты хочешь со мной поссориться?

– А мне кажется, что это ТЫ прикладываешь все для этого усилия.

– Кто бы говорил!

– Это ты всё нудишь, нудишь... А у меня, между прочим, дел невпроворот.

– Ну и шла бы заниматься своими делами!

– Я уйду – а что будет с сайтом?

– С чего это ты вдруг о сайте начала волноваться?

– Я всегда о нём волновалась. Просто у меня не было ни одного знакомого супера, которому можно доверить «Джунгли».

– Так уж и ни одного?

Я молча кивнула.

– Чем тебя здешние персонажи не устраивают?

– Всем. Я их совсем не знаю. А с тобой уже хоть немножко знакома.

– Детка! – Прохрипел Дон Кихот, явно копируя голос какого-то киношного персонажа. – Да у тебя проблемы с общением!

– Не без этого, – легко согласилась я.

– Может быть ты инвалид? Или уродина какая-нибудь?

Я опешила.

– Ну уж нет!.. За кого ты меня принимаешь! Думаешь, вообще, что говоришь!

Мой собеседник вдруг смутился:

– Ладно, извини, если что не так.

– Какие мы культурные! – Не смогла не съязвить я.

– В отличии от вас, дикобразов.

– Почему – дикобразов? – Удивился Дон Кихот.

Я задумалась. Мне самой стало интересно.

– Ну, наверное, «дикий» – это антоним слова «культурный», а ничего кроме «дикобраза» в голову сразу не лезет – окончание очень удобное.

Пребираясь, мы добрались до шатра.

– Ну? – Спросила я.

Мы переглянулись. Старик прошёл внутрь первым, я шагнула вслед за ним – и застыла на пороге соляным столпом, уподобившись окаменевшей Лотовой жене. Чего-чего, но такого поворота сюжета я не ожидала. Посреди шатра на опорном столбе висела громадная картина в тяжёлой раме, богато украшенная цветами. Рыжий тигрёнок, стоя на задних лапах, сосредоточенно прилаживал в общий букет свой цветочек. На картине был изображён – как вы думаете, кто?

Красная Шапочка!!!

– Привет! – Сказал тигрёнок.

Я кивнула.

– Вы сюда зачем? – Спросил зверёк и поправил две пышных розы сверху.

Теперь из жены Лота я постепенно начала превращаться в Моисея, который спустился с горы и увидел весь свой народ пляшущим перед идолом тельца. Точнее, подобная аналогия не совсем уместна; Моисей, если я правильно помню, был в жутком гневе, я же не испытывала ничего кроме удивления.

Надо же как тут всё запущено! Этот портрет со всеми его цветочками – это ведь идолопоклонство в чистом виде, без всяких посторонних примесей!

Вроде бы суперы, люди толковые, должны подходить ко всему с позиций чистой логики и практики, а тут развели всякую магию! и – главное – как на этом сайте оказалось изображение директрисы моей школы?!

– Что ЭТО?! – Спросила я у тигрёнка, показывая на столб и пытаюсь придать своему голосу как можно более грозные нотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.